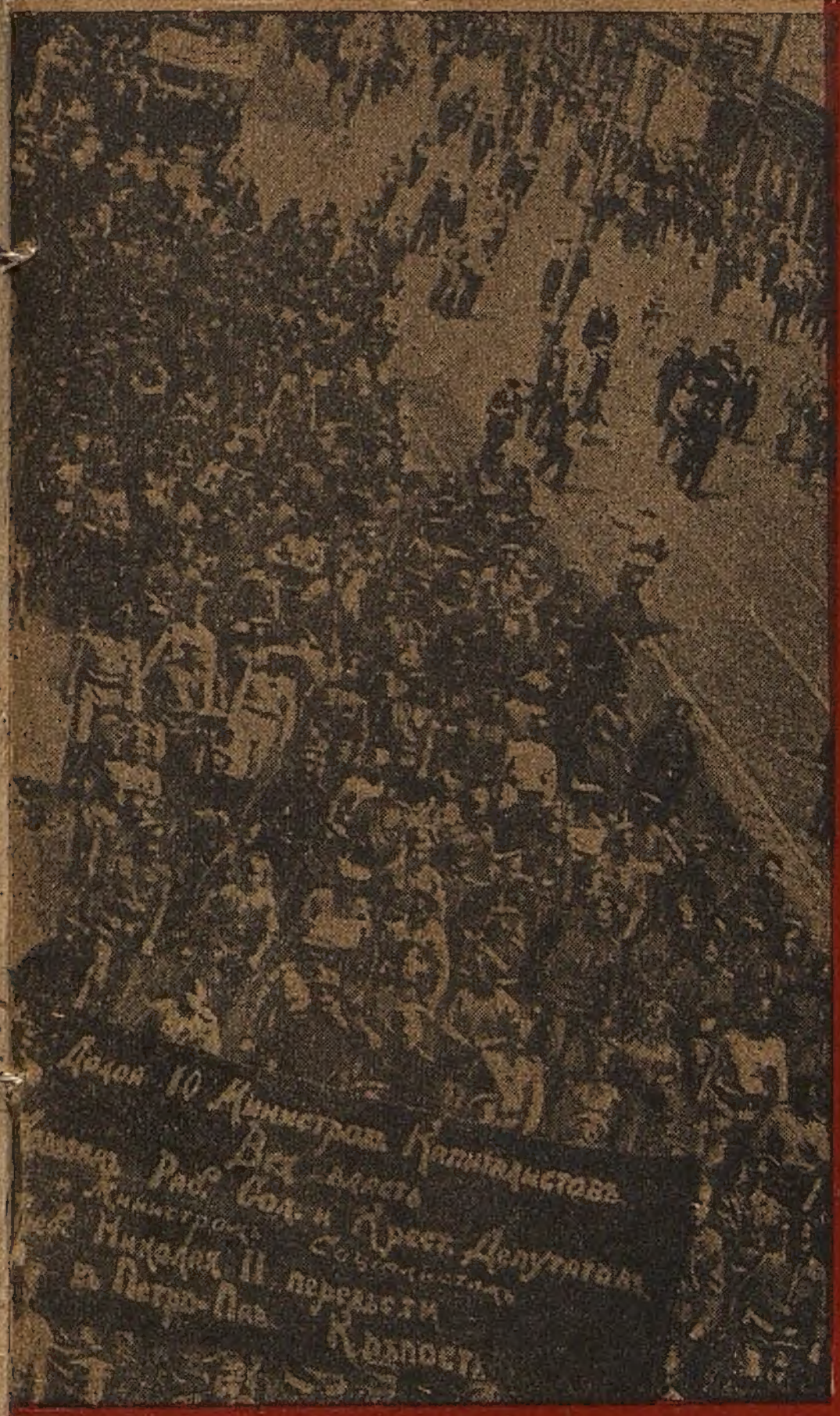
Фонин

ФЕВРАЛЬ 1917

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ 46
90 769



ГИ 46
Ф 769

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕГО АКТИВИСТА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

Е. ФОКИН

ФЕВРАЛЬ 1917

ПАРТИЗДАТ • 1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Е. ФОКИН

ГИЧБ
Ф 769 Р

Февраль 1917 г.

1 экз.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932

П 241
РП
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
На подступах к Февралю	5
Кто совершал революцию	9
Почему буржуазия встала у власти в феврале	26
Какая революция произошла в феврале . .	33
Мира, хлеба и земли	41
Формирование армии революции	46
Борьба партии с оппортунистическими извращениями ленинского плана перерастания Февральской революции	60

ГИ46
Р
ф769
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
69300 69300
1235/32
СР 33124

Сдана в производство 9/VII 1932 г.
Подписана к печати 11/X 1932 г.
Ответственный редактор С. Коптяевская. Техредактор В. Сутин. Обложка худ. И. Кричевского.
Уполномоченный Главлита № В-30659. № 1851. Тираж 50 000 экз. Формат 82×116/32. 4½ печ. л. 38 880 зн. в п. л. Заказ № 2374.

1-я типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва, Валовая, 28

ВВЕДЕНИЕ

Февральская революция, опрокинувшая телегу, залитую «кровью и грязью романовской монархии» (Ленин), явилась прологом победоносного октябрьского штурма. Октябрьская революция, свергнув диктатуру империалистической буржуазии, открыла собой новую эпоху международной пролетарской революции.

Февральская революция неразрывно связана со своей предшественницей — революцией 1905—1907 гг., явившейся «генеральной репетицией» (Ленин) революции 1917 г. «Без революции 1905—1907 гг., без контрреволюции 1907—1914 гг.,—писал Ленин,—невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 г.»[1] Как Февральская революция, так и ее «генеральная репетиция» — революция 1905 г. подтвердила ленинский анализ исторического развития России и ленинское определение, что действительными движущими силами революции являются только рабочий класс и крестьянство, что «буржуазия (особенно после 1905 г.) боится революции и ненавидит ее...»[2]

Революция 1905—1907 гг. и Февральская революция были буржуазно-демократическими, гегемония в которых принадлежала пролетариату, что делало возможным перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, пролетарскую. Русский пролетариат «завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию как условие для борьбы за социализм» (Ленин) в своей героической борьбе против царизма в первую революцию эпохи империа-

---

[1] Ленин, т. XX, стр. 14.
[2] Ленин, т. XV, стр. 215.

лизма — революцию 1905—1907 гг. Этот «единственный, до конца революционный класс современного общества» (Ленин) как в революции 1905 г., так и в февральские дни выступил, возглавив крестьянство, против русского царизма, под руководством единственной партии пролетариата — партии большевиков.

Большевистская партия — партия нового типа эпохи империализма и борьбы за диктатуру пролетариата — была единственной партией, подготовляющей революцию и организующей силы этой революции — пролетариат и крестьянство. Партия большевиков в годы жесточайшей реакции, контрреволюции неустанно работала над подготовкой и организацией сил революции и встала во главе руководства массовым рабочим движением в годы его подъема.

Наличие большевистской партии обусловило то, что рабочий класс России в момент величайшего кризиса всемирного империализма, во время первой революции, порожденной империалистической войной (1914—1918 гг.), выступил под руководством этой партии как гегемон революции против русского царизма в феврале 1917 г.

Гегемония рабочего класса в революции всегда была одним из руководящих принципов программных положений большевизма, и партия отстояла его в непримиримой борьбе с меньшевиками, «роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 г. и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия» [1], и с троцкизмом, как разновидностью меньшевизма.

Непримиримая борьба с русским меньшевизмом и разновидностью меньшевизма — троцкизмом как одним из отрядов международного оппортунизма по коренным вопросам русской революции была непосредственной борьбой большевизма с оппортунизмом и центризмом во II Интернационале. Она была линией большевизма на раскол с оппортунизмом и центризмом во II Интернационале, ибо «социальную революцию пролетариата — писал Ленин в 1911 г. — нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежовки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» перед этой резолюцией, — без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы во время этой революции» [2]. «Мы, в России, — говорил Ленин в

---

[1] Ленин, т. XXV, стр. 177.
[2] Ленин, т. XV, стр. 208.

1921 г., — имеем уже достаточный политический опыт борьбы против центристов. Еще 15 лет тому назад, мы вели борьбу против наших оппортунистов и центристов, а также против меньшевиков» [1]. Непримиримая борьба партии с оппортунизмом и центризмом явилась для большевистской партии основным условием победы пролетариата, и это обусловило победоносное завершение борьбы пролетариата и крестьянства с царизмом в февральские дни и прочное закрепление диктатуры пролетариата в дни великой Октябрьской революции.

НА ПОДСТУПАХ К ФЕВРАЛЮ

Всемирная империалистическая война 1914—1918 гг., порожденная «империалистическими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства» (Ленин), война между «тремя великими разбойниками на большой дороге» (Ленин) — между Англией, Германией и Россией, еще теснее и крепче связала в один кровавый узел внутри России интересы крепостников-помещиков с интересами империалистической буржуазии. Проблемы Ближнего Востока, проблема захвата Армении, Галиции и Дарданелл были для царской России на Востоке блестяще отражены в докладной записке одного из царских сатрапов-—министра иностранных дел Сазонова Николаю II.

В 1915 г. Сазонов писал Николаю: «Тот, кто завладеет проливами, — получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах» (цитировано по Покровскому, Империалистическая война, стр. 179). Сам же русский царь Николай II (и последний) в одной из бесед с английским послом в России Бьюкененом весной 1914 г. заявлял, что если проливы не будут открыты мирным путем, он не остановится перед тем, чтобы открыть их силой.

Империалистические замыслы русского царизма полностью отражали чаяния крепостников-помещиков и империалистической буржуазии. Октябрист Ковалевский, выступая на сессии IV Государственной думы и требуя захвата Босфора и Дарданелл, заявил: «Проливы — ведь это ключ и замок от нашего дома: они должны находиться в русских руках». Эту мысль мы находим и в отчете фракции кадетской партии в Государственной думе. «Главной нацио-

[1] Ленин. т. XXVI, стр. 444.

нальной задачей в этой войне, — говорится в отчете, — является приобретение проливов и Константинополя... Приобретение проливов есть завершение органического роста государства... окончательное разрешение нашей вековой национальной задачи — выхода к свободному морю, без которого не могло быть закончено строение великого государственного организма» [1].

Но русскую буржуазию привлекали не только Дарданеллы и Константинополь, ее захватнические аппетиты направлялись и к Западу. Тот же Ковалевский в цитируемой уже нами выше речи заявляет: «Обращая взоры на Запад, мы твердо уверены, что Червонная Русь, Русская Буковина и с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены к России и тем завершится историческое дело великого собирания русской земли... Пришел момент воссоединения польского народа, которое осуществится под скипетром русского царя» [2].

Внешняя политика царизма полностью отвечала интересам империалистически настроенной русской буржуазии, и потому с первых же дней объявления войны буржуазия шлет к престолу царя свои верноподданнические чувства, видя в нем надежный оплот осуществления своих империалистических замыслов.

Патриотизм русской буржуазии в империалистической войне подогревался не только тем, что война сулила ей «завершение великого дела собирания русской земли», он подогревался еще и теми многомиллионными прибылями, которые буржуазия получала от выполнения военных заказов. Миллионы рублей военной прибыли широким потоком текли в карманы буржуазии, увеличивая ее экономическую мощь и... патриотизм. Так по данным «Вестника финансов, торговли и промышленности» прибыль по 60 предприятиям выразилась в процентах по отношению к 1913 г.:

Годы	Основной капитал	Военная прибыль	Дивиденд
1914	1 8,7	76	85,3
1915	110,8	188	132,0
1916	116,9	297	200,0

[1] Отчет фракции «Народной свободы», стр. 7—8.
[2] Стенографический отчет 3-й сессии IV Думы, стр. 39—40.

Таким образом «трогательное единение» буржуазии с царизмом сопровождалось огромнейшими барышами от мировой империалистической бойни.

Как же отразилась мировая война на экономическом состоянии страны? Конец 1914 и первая половина 1915 гг. проходят под знаком сокращения производства в ряде отраслей промышленности и сокращения числа рабочих на фабриках и заводах. Лишь во второй половине 1915 г. положение начинает несколько изменяться. Происходит приспособление отдельных отраслей промышленности (текстильной, кожевенной, химической и др.) к военным потребностям; предприятия этих видов промышленности начинают работать на оборону, вся металлообрабатывающая промышленность начинает переключаться на производство снарядов и военного снаряжения.

Однако это видимое «процветание» и подъем промышленности оказываются весьма и весьма кратковременными и сменяются глубочайшим всеобщим народнохозяйственным кризисом. Продукция основных отраслей промышленности в последующие годы войны резко падает. Темпы этого падения характеризуются следующими цифрами:

Продукты	1913 г.	1915 г.	1917 г.
	(в сотнях тысяч пудов)		
Чугун	237 960	225 291	190 548
Железо и сталь	246 552	199 433	155 587
Каменный уголь	2 220 052	1 905 496	174 692

Основные отрасли промышленности — металл и уголь — неуклонно катились вниз. Одновременно война обострила положение в сельском хозяйстве. Каждый год войны приносил новые бедствия деревне, которые еще с большей силой подчеркивали невозможность выхода из перманентного кризиса сельского хозяйства без радикального разрешения аграрного вопроса, без уничтожения помещичьих латифундий — этого оплота полукрепостнической кабалы основных масс крестьянства. Непрерывное увеличение налогов, выплата процентов по военным займам царской России, составляющих ежегодную сумму в 500 с лишним миллионов рублей и выплачиваемых в значительной их части основными массами крестьянства, усугубляли процесс обнищания деревни. Все это углубляло экономическую зависимость крестьянских масс от помещиков и кулацкой верхушки деревни, от всех «Колупаевых», «Разуваевых» русской деревни».

Для иллюстрации классовых группировок в деревне во время войны приведем небольшую таблицу, заимствованную нами из книжки Хрящева «Крестьянство в войне и революции».

Губернии	Процент хозяйств			
	Без посева 1910–1912 гг.	1917 г.	Без рабочего скота 1910–1912 гг.	1917 г.
Тульская	4,2	6.5	29,5	30,1
Пензенская	—	9,8	31,6	36,1
Симбирская	10,2	13.4	39,	35,7
Калужская (Жиздринский у.)	6,5	14,6	14,3	21,0
Новгородская (Б лоз. у.) .	1,0	14,7	19,5	31,7
„ (Тихвин. у.) .	1,0	12,6	15,5	22,4

Глубочайший кризис сельского хозяйства неизбежно приводил к катастрофическому положению со снабжением городов продовольственными продуктами. К тому же прибавлялась бешеная спекуляция этими продуктами на рынке. Если учесть падение ценности бумажных денег (к 1 января 1917 г. рубль стоил 27,3 коп.), то будет понятней та совершенно реальная угроза голода и вымирания, которую сулило продолжение империалистической войны полупролетарским и беднейшим слоям деревни, а также трудящемуся населению городов.

В полосу продовольственных затруднений города России вступают уже с 1915 г. «Из 764 городов 1 октября 1915 г. было опрошено 659 городов, из них заявили о недостатке продовольствия 500 городов, т. е. 75,8% опрошенных» [1]. Продовольственные затруднения обострялись к тому же все углубляющимся развалом железнодорожного транспорта. На почве продовольственных затруднений и растущей дороговизны по России прокатывается широкая волна продовольственных «беспорядков», сопровождающихся столкновениями с полицией и расстрелами голодных рабочих демонстраций.

В то же самое время война неуклонно увеличивала доходы буржуазии. Бешеные военные прибыли давали возможность жить буржуазии не стесняя себя, заставляя в то же время рабочих и всех трудящихся потуже стягивать свои пояса. Рабочий класс вынужден был работать на фабриках и заводах в каторжных условиях, получая

[1] Ванаг и Томсинский, Экономическое развитие России, стр. 224.

при все увеличивающейся эксплоатации меньшую заработную плату, чем до войны, теряя ее к тому же на катастрофическом падении ценности бумажных денег. Бешеная рыночная спекуляция довершала грабеж рабочего населения. Вот таблица, которая показывает соотношение между заработной платой и ценами на продовольствие (в процентах).

Годы	Зарплата	Цены
1914	100	100,0
1915	119	153,0
1916	150	300,2

Царское самодержавие и буржуазия переложили все тяготы войны на широкие массы рабочих и крестьян, которые являлись одновременно и пушечным мясом и основным источником покрытия расходов по империалистической бойне.

Общий кризис, глубоко пронизавший все народное хозяйство России, и особенно полный развал железнодорожного транспорта, парализующий всю хозяйственную жизнь страны, были выражением не только краха самодержавия, но и всей капиталистической системы. Полный развал народного хозяйства вынужден был даже признать такой матерой буржуа и верноподданнический слуга царского престола, как председатель Государственной думы Родзянко. Родзянко в своей докладной записке Николаю II писал: «Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое. Ее армия не разбита, она снабжена предметами вооружения более, чем когда бы то ни было раньше, но позади армии, в тылу, идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы, всю пролитую кровь, весь беспримерный героизм».

С каждым годом войны хозяйство России неуклонно катилось в пропасть, все сильнее назревал и углублялся экономический и политический кризис. Костлявая рука голода грозила схватить мертвой хваткой за горло миллионы рабочих и крестьян.

КТО СОВЕРШАЛ РЕВОЛЮЦИЮ

Империалистическая война обострила социальные противоречия внутри страны до последнего предела. Все отчетливее начал вырисовываться призрак грядущей революции, все сильнее стучалась она в дверь царской России.

Углубляющийся экономический кризис и поражения русских войск, поставившие под угрозу успешное ведение войны «до победного конца», нарушили «единение с царем» русской буржуазии. Буржуазия становится в «оппозицию» к самодержавию. Видя неумение царизма организовать войну, она поднимает «шумиху» и пытается выступить в качестве организатора обороны страны.

Укрепившись за время войны экономически, буржуазия через Военно-промышленные комитеты, союзы городов и земств, через различные особые совещания усилила и свое политическое влияние.

Через эти организации империалистическая буржуазия охватывала своими щупальцами все главные узлы экономической жизни страны и через них пыталась осуществить свое стремление к разделению власти с царизмом. Чувствуя приближение революции, которой она боялась не в меньшей степени, чем сам царизм, видя неспособность царизма предупредить приближающуюся революцию, буржуазия всячески старается опередить революцию.

В то же время боязнь перед все нарастающей революцией вынудила царизм резко повернуть свою политику в сторону сепаратного мира с Германией. Чувствуя под собой горящую почву, русский царизм временно готов отказаться от Константинополя, Галиции и Армении. Для буржуазии же сепаратный мир означал прежде всего прекращение миллионных прибылей, получаемых от работы на войну, и недаром Милюков с трибуны Государственной думы заявлял о переходе от «патриотического подъема к патриотической тревоге».

В сепаратном мире с Германией придворная шайка Николая Романова, возглавляемая Распутиным, видела спасение от надвигающейся революции. Заключение сепаратного мира с Германией развязало бы руки царскому правительству для борьбы с внутренним врагом — все нарастающим подъемом революционного движения среди рабочего класса, солдат и матросов. Убийство Распутина отъявленным черносотенцем Пуришкевичем и представителями великокняжеской клики вкупе с лидерами кадетской партии явилось первым актом протеста руководящей финансовой и промышленной буржуазии против попыток придворной шайки заключить сепаратный мир с Германией. Но как убийство Распутина, так и зародившийся в головах наиболее «решительной» части буржуазных помещиков, финансово-промышленной буржуазии, великокняжеской клики и недовольного генералитета план дворцового переворота явля-

ются лишь выражением животного страха всех этих групп перед революцией, попыткой предотвращения революции снизу «революцией сверху».

Инициаторами дворцового переворота, т. е. решения убрать Николая II и посадить на его место другого монарха, были Гучков и Терещенко. Активное участие в его подготовке принимали генералы Крымов, Брусилов, Рузский, Алексеев и др. План этого дворцового «переворота» был таков: «Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия — физическое его устранение» [1]. Примерно так же рисует план переворота и его инициатор Гучков: «Захватить по дороге между ставкой и Царским селом императорский поезд, а затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью» [2].

Всю эту возню империалистической буржуазии, как и «борьбу» буржуазии против сепаратного мира с Германией, меньшевики представляли как революционный акт со стороны «прогрессивной буржуазии», стремящейся якобы к разрушению «прусского милитаризма» и к тесной дружбе с «демократической» Англией, замазывая этим истинный смысл империалистической бойни и противоречия между «тремя величайшими разбойниками большой дороги» (Ленин). «На деле *и* царизм, *и* все реакционеры в России, *и* вся «прогрессивная» буржуазия (октябристы и кадеты) хотят одного: ограбить Германию, Австрию и Турцию в Европе, — побить Англию в Азии (отнять всю Персию, всю Монголию, весь Тибет и т. д.). Спор идет между этими «милыми дружками» только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии. Только из-за того, когда и как!» [3].

---

[1] Деникин, Очерки русской смуты, т. I, стр. 39.
[2] «Падение царского режима», т. VI, Показания Гучкова, стр. 278.
[3] Ленин, т. XIX, стр. 283.

Истинный смысл всей этой возни буржуазии с подготовкой дворцового переворота заключался, с одной стороны, в том, чтобы заменить одного монарха другим и тем обеспечить продолжение империалистической войны и новый передел мира, а с другой — это основное — затушить нарастающую революцию, предупредить встречу в открытом бою с своим классовым противником — восставшим пролетариатом. Эти действительные настроения буржуазии ярко выражены в беседе Родзянко с Шульгиным в февральские дни, приводимой Шульгиным в его книге «Дни».

«Я не бунтовщик, — говорит Родзянко, — никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Против верховной власти я не пойду, не хочу итти». Шульгин успокаивает Родзянко и уговаривает его взять власть: «Берите как верноподданный. Берите потому, что держава Российская не может быть без власти... Может быть два выхода: все обойдется, и государь назначит новое правительство — мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не возьмем, не подберем, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах».

Испытывая животный страх перед надвигающейся революцией, подстегиваемая этой революцией буржуазия стремилась путем дворцового переворота и замены одного монарха другим поделить власть с царизмом, опередить и предотвратить назревающую революцию и осуществить свои замыслы о продолжении войны до победного конца.

Эти замыслы буржуазии встретили поддержку в лагере английских и французских империалистов, для которых выход России из войны означал потерю десятков миллионов штыков на восточном фронте, а с ними и надежды на победу над Германией.

Империалистическая война еще теснее связала русскую буржуазию с монархией, сделала ее врагом всякой решительной ломки этой монархии — врагом революции, и эту сторону русской буржуазии неоднократно отмечал и подчеркивал Ленин. «Русская либеральная буржуазия, — писал Ленин, — окончательно стала на путь контрреволюции. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России». Эту ленинскую характеристику русской буржуазии особенно ярко подтвердил не кто иной, как виднейший лидер либеральной буржуазии Милюков. Чувствуя приближение революции, Милюков призывал «заговорщиков» — Гучкова и др.: «отложите счеты с властью до полного пора-

жения внешнего врага», заявляя, что «достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар. И храни нас бог увидеть этот пожар». Тот же Милюков накануне Февральской революции заявлял, что забастовки и выступления рабочих организуются немецкими агентами.

Боязнь «увидеть этот пожар» активизировала буржуазию в сторону ее борьбы с революцией, ее стремления опередить эту революцию.

Недовольство же буржуазии политикой царизма в вопросе о сепаратном мире и ее замыслы дворцового «переворота» подчеркивали лишь наличие объективных условий для глубокого политического кризиса в России, свидетельствовали о том, что «верхи больше не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому». Царизм искал выхода из этого кризиса в своей политике заключения сепаратного мира с Германией, в жесточайших репрессиях против рабочего класса и его партии — партии большевиков; буржуазия же — в смене монархов, в разделении власти с царизмом и в совместной с царизмом борьбе против нарастающей революции. Но эти планы царизма и контрреволюционной буржуазии были разрушены рабочим классом, выступившим как гегемон в революции против царизма и империалистической буржуазии в союзе со всем крестьянством на первом этапе революции — в феврале и в союзе с беднейшим крестьянством при нейтрализации середняка на втором ее этапе — в октябре.

С каждым месяцем войны положение широких рабочих масс и основных масс крестьянства становилось все более невыносимым. Массам грозил голод и вымирание, и эта угроза была значительной силой, ускоряющей процесс освобождения масс от идей оборончества и шовинизма, которыми буржуазии при активном участии мелкобуржуазных партий — эсеров и меньшевиков — удалось заразить в начале войны значительные массы крестьянства и наиболее отсталые слои рабочего класса. Империалистическая война и связанные с нею тяготы, переложенные на плечи рабочих и крестьян, явились «величайшим историческим двигателем» и «режиссером» революции.

«Разъяснять массам, — писал Ленин, —...что налицо есть величайшей силы исторический двигатель, который порождает невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия. Этот двигатель — война... Он заставляет народы напрягать до последней степени все силы, он ставит их в невыносимое положение, он ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь «теорий»... а проведение самых крайних,

практически возможных мер, ибо без крайних мер — гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей от голода» [1].

Каждый день войны приносил рабочему классу все новые и новые доказательства того, что война — это грабеж, что правительство заботится и охраняет интересы только мародеров-лавочников и промышленных акул, и эта суровая действительность открывала ему глаза на окружающее, это помогало ему воспринимать основной лозунг большевистской партии — превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Величайший подъем революционного движения и колоссальная работа большевистской партии среди широких рабочих масс находят свое выражение во все возрастающем забастовочном движении, увеличивающемся с каждым годом войны, и в том, что рабочие стачки становились все более массовыми и направленными против всего социально-политического строя России. Если в 1914 г. на одну забастовку падало в среднем 378 бастовавших рабочих, то в 1915 г. на одну забастовку приходится уже 581 рабочий, в 1916 г. — 711. В январе 1917 г. бастовало 244 тыс. рабочих, причем 66,4% забастовок были забастовками по политическим мотивам. В феврале же число бастовавших рабочих достигает 432 тыс. 95,6% забастовок носят ярко политическую окраску. Эти грандиозные стачки являлись предвестниками грядущих и решающих боев рабочего класса, ведущего за собой крестьянство, с русским царизмом в февральские дни.

В то же время и в армии, состоящей в основном из крестьянства, усиливалось революционное движение, охватывая как запасные, так и фронтовые части. Нарастание забастовочного движения рабочих и революционных настроений солдатских масс не на шутку тревожили царских сатрапов и охранников. «Армия в тылу и особенно на фронте, — сообщала охранка, — полна элементами, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий».

Яркой иллюстрацией солдатских настроений являются письма солдат-фронтовиков. Приведем несколько отрывков из писем фронтовиков в деревню, относящихся к периоду 1915—1916 гг. «Пока, тятенька, — пишет фронтовик, — в наступлении не были, да и бог бы не дал быть: не хотят солдаты. Сделали забастовку. Все полки говорят, что довольно воевать, просят мира. Если солдаты не замирят,

[1] Ленин, т. XX, стр. 39.

то мира не будет. Везде пошли забастовки, в Петрограде и Москве идут бунты, може скоро мир будет» [1]. «Мы только и ждем, — говорится в другом письме, — этого, как только начнутся внутри России бунты, так мы забастуем, более не будем воевать» [2]. «Были у нас, — пишет в письме солдат, — рабочие листки. Начальство злилось, пугает больно: повесит первого попавшегося, а мы, солдатики, знаем свое дело, почитываем листки, где рабочие пишут свою правду-матку о войне и наших муках. Скорее бы, товарищи, нам подняться на борьбу с царем Николаем» [3].

Эти солдатские письма переплетались с письмами из деревни в армию с жалобами крестьянства на бесконечные призывы в войска, на реквизицию рабочего скота, хлеба и т. д. и разносили среди солдатских масс революционную бациллу, создавая благоприятную почву для революционной и антивоенной работы, широко развернутой в армии большевистской партией. Антивоенные брошюры и прокламации большевиков оказывали колоссальнейшее влияние на солдат, помогая им разобраться в действительной сущности войны и разъясняя им цели империалистической бойни. Нарастание революционного движения в армии находило свое выражение в прямой поддержке солдатами забастовочного движения рабочих, примером чего служит в частности 181-й запасный пехотный полк, принявший активное участие в октябрьских событиях 1916 г. Солдатские массы горячо воспринимали лозунг большевистской партии о превращении империалистической войны в войну гражданскую; они все с большей ненавистью относились к своему начальству и все с большим интересом и сочувствием в то же время к выступлениям рабочих и к их борьбе с царизмом и империалистической буржуазией. Когда же рабочее движение стало выливаться в форму политических демонстраций, то солдаты стали активными участниками этих демонстраций. Так «Социал-демократ», говоря о демонстрации 9 января 1917 г., пишет (в № 58): «Во время многочисленных демонстраций в день 9 января были случаи встречи демонстрантов с солдатами. Так по Выборгскому шоссе рабочие встречались с моторными обозами, везшими солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали «ура», «долой войну». 10 января на Б. Самсониевском в тысячной толпе демонстрантов было 300—400 солдат».

---

[1] «Красная летопись» № 3 (24) за 1927 г.
[2] «Красная летопись» № 1 (25) за 1928 г.
[3] «Красная летопись» № 3 (24) за 1927 г.

Рабочие забастовки ускоряли процесс революционизирования армии, втягивая в революционное движение миллионы крестьян, одетых в солдатские шинели. Революционная работа большевистской партии в армии имела своим следствием то, что рабочие постепенно отвоевывали главную опору царизма и буржуазии — армию. Это учитывали царизм и буржуазия, перед ними маячил призрак надвигающейся революции, и буржуазия совместно с царизмом всяческими мерами пыталась приостановить забастовочное движение. Буржуазия и правительство отвечали на забастовки рабочих угрозой фронта. В Петрограде после февральской стачки 1916 г. с Путиловского завода сотни рабочих были отправлены в дисциплинарные батальоны, в Николаеве 7 500 рабочих заводов «Наваль» и «Руссуд» были высланы на фронт, рабочих переводили на полуказарменное положение, на заводах и фабриках заводились «черные списки» забастовщиков, применялись массовые увольнения рабочих с немедленной мобилизацией уволенных и отправкой на фронт и т. д. Но и эти драконовские меры не могли задержать неуклонное нарастание забастовочного движения.

Наряду с этими драконовскими мерами против забастовочного движения буржуазия использует и проводников своего влияния на массы — эсеров и меньшевиков. Тесное сотрудничество меньшевиков с буржуазией в «защите родины», блок мелкобуржуазных партий с империалистической буржуазией, организационно закрепленный активной работой этих партий в Военно-промышленных комитетах, являлся орудием и одним из средств борьбы буржуазии с забастовочным движением и нарастающей революцией.

Образцом штрейкбрехерства и активной борьбы меньшевиков с забастовочным движением является воззвание членов рабочей группы Военно-промышленного комитета, меньшевиков Анасовского и Остапенко.

> «Товарищи рабочие, рабочие Петрограда, — писали в своем воззвании эти штрейкбрехеры, — считаем своим долгом обратиться к вам с настоящим предложением немедленно приступить к рабстам. Рабочий класс в сознании всей ответственности переживаемого момента не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки. Интересы рабочего класса зовут вас к станкам.
>
> Члены рабочей группы
> Центрального военно-промышленного комитета
> Анасовский и Остапенко».

Этот маленький штрих характеризует роль меньшевиков накануне революции, являясь лишь иллюстрацией общей политики меньшевиков во время войны. Меньшевики стремились обеспечить империалистической буржуазии руководство рабочим движением, поставить рабочий класс в хвосте думской буржуазии.

«Представителям группы приходилось... — повествует один из виднейших меньшевиков-«гвоздевцев» — Маевский, — усиленно бороться против бойкотизма и индиферентизма по отношению к Думе и ее деятельности, поддерживаемых и раздуваемых в рабочей среде большевистской агитацией».

Вся политическая линия «гвоздевцев» как одной из разновидностей меньшевизма в годы войны сводилась к борьбе за подчинение рабочего движения либеральной буржуазии.

Через рабочие группы Военно-промышленных комитетов буржуазия пыталась проводить в массы оборончество и шовинизм, используя «гвоздевщину» как разновидность меньшевизма для «гальванизации трупа войны». Меньшевики, с самого начала войны продолжая свою линию на подчинение интересов рабочего класса интересам империалистической буржуазии, соединяя идею защиты «отечества» в внешней, мнимой революционностью (критика правительства), являлись основными проводниками идей оборончества в рабочие массы.

Внешняя революционность, маскировка уверениями о том, что, мол, «мы идем в ВПК не ради обороны, а ради организации пролетариата, ради разоблачения хозяев», скрывали действительную классовую сущность Военно-промышленных комитетов, помогали превратившимся в годы войны в социал-шовинистов меньшевикам держать в подчинении империалистической буржуазии часть рабочей массы из наиболее отсталых и политически сырых слоев рабочего класса, из которых в дни керенщины вышло не мало добросовестных оборонцев.

Война 1914 г. еще раз подтвердила, что только большевистская партия является подлинным выразителем интересов не только русского, но и международного пролетариата в его борьбе против империализма. Только большевистская партия научила «массы распознавать их действительные политические интересы, бороться за социализм и за революцию через все долгие и мучительные пережитки империалистических войн и империалистических перемирий» (Ленин).

Вся работа большевистской партии в годы войны проходила по линии продолжения борьбы «революционно-массо-

Библиотека Института Ленина

вого потока» против «оппортунистически-мещанского». Борьба с оппортунизмом, переросшим в социал-шовинизм в России и на международной арене, была основным условием для большевистской партии в годы империалистической войны в деле подготовки и организации сил революции. Несмотря на разгром партийных организаций в годы, предшествующие войне, большевистские организации в разных концах России выступили против империалистической войны (Петроград, Москва, Баку, Екатеринослав, Киев, Самара, Урал, Харьков и т. д.).

«Во время путешествия по этапу в красноярскую пересыльную тюрьму, — пишет О. Пятницкий, — мне пришлось видеть многих бундовцев, латышских и польских социал-демократов и сторонников других партий. Ни у одной из выше перечисленных партий не было такого ясного и у всех одинакового взгляда на войну, как у большевиков»[1].

Ясность взглядов на войну, линия большевиков на превращение империалистической войны в войну гражданскую отличали большевистскую партию от всех других партий, определяли позиции большевистской думской фракции и всю работу партии по организации рабочих масс и подготовке их для предстоящих решительных боев с царизмом и империализмом.

Недаром царская охранка вынуждена была признать, что «ленинцы, приобретшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой в России преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (как то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем эта работа имела своим обязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков»[2].

Несмотря на невероятно тяжелые нелегальные условия, партия большевиков развернула колоссальную работу по высвобождению рабочих масс из-под влияния проводников шовинизма и оборончества — эсеров и меньшевиков, по организации масс против войны, против царизма и империализма, разоблачая предательскую политику рус-

---

[1] О. Пятницкий, Записки большевика, стр. 171.
[2] Дело департамента полиции № 5 за 1915 г.

ского и международного социал-шовинизма. Ленин по поводу суда над думской фракцией большевиков писал:

«Парламентская деятельность одних приводит их на министерские кресла, парламентская деятельность других приводит их в тюрьму, в ссылку, на каторгу. Одни служат буржуазии, другие — пролетариату. Одни — социал-империалисты, другие — революционные марксисты». И далее: «Суд над депутатами разбил создаваемую буржуазной прессой иллюзию общенационального подъема, единения всех классов общества и так далее. Этот суд сказал рабочему классу, что ему надо делать».

Большевистская партия звала и организовывала рабочий класс для борьбы с царизмом и империализмом под основным лозунгом, — превращения империалистической войны в войну гражданскую.

«Направление работы (упорной, систематической, долгой, может быть), — писал Ленин, — в духе превращения национальной войны в гражданскую — вот вся суть» [1].

Большевики сумели, несмотря на тяжелые нелегальные условия работы, собрать старые кадры революционных рабочих, укрепить подпольные группы и ячейки и обеспечить руководящую роль партии в рабочем движении.

«Сознательные рабочие России, — писал Ленин, — создали такую партию и выдвинули такой передовой отряд, которые во время всемирной войны и всемирного провала международного оппортунизма проявили больше всех способности исполнить свой долг интернациональных революционных социал-демократов. Путь, по которому мы шли, испытан величайшим кризисом и оказался — еще и еще раз — единственно верным путем» [2]. Партия большевиков была единственной партией, которая повела рабочий класс в момент общего политического кризиса по правильному пути, возглавив подъем забастовочного и революционного движения рабочих масс.

Революционный подъем рабочего класса сопровождался одновременно тем, что идея «защиты родины», жившая в сознании некоторых слоев рабочих и навеянная мелкобуржуазными партиями, постепенно выветривалась под жестокими ударами действительности и под влиянием той огромнейшей работы, которая была развернута большевистской партией.

Старые большевистские кадры рабочих, прошедшие шко-

---

[1] Письма Ленина Шляпникову и Колонтай, изд. «Московский рабочий», 1925 г., стр. 12.

[2] Ленин, т. XVIII, стр. 130.

лу революционной борьбы в эпоху «Звезды» и «Правды», когда под руководством Ленина и Сталина цементировалось «правдистское направление» рабочих-революционеров, сыграли огромнейшую роль в подготовке рабочих масс к предстоящим боям в дни Февральской, а затем и Октябрьской революции.

Без этой большевистской школы, без руководства большевистской партии, рабочий класс в годы войны дал бы более обильную пищу русскому социал-шовинизму, чем это имело место.

Подъем забастовочного движения, его массовый характер и ярко выраженная политическая окраска движения особенно рельефно выразились в забастовках в феврале 1917 г. Все забастовки этого месяца проходили под лозунгами: «Долой самодержавие», «Долой войну», «Хлеба, долой войну». В эти решающие перед революцией дни меньшевики еще раз продемонстрировали свое предательство рабочему классу. В целях срыва организованной большевистской партией всеобщей забастовки питерских рабочих, меньшевики пытались организовать хождение рабочих к Думе в день ее открытия, 14 февраля. Это хождение к Думе было лишь выполнением меньшевиками «социального заказа» их хозяина — империалистической буржуазии. Сама идея хождения к Думе принадлежала буржуазии. Вот что говорил по этому поводу Милюков:

«В феврале было заседание различных общественных организаций и членов блока, в котором обсуждался вопрос о форме выражения поддержки Государственной думе общественным мнением, главным образом рабочими кругами, и проектировалось шествие рабочих к Государственной думе»[1].

23 февраля по старому стилю рабочие массы Питера, подготовленные большевистской партией к штурму царизма, вместе с крестьянством, одетым в солдатские шинели, нанесли сокрушительный удар по царизму, и под этим ударом «телега, залитая кровью и грязью романовской монархии, опрокинулась сразу» (Ленин).

Начавшись с забастовок, с голодной демонстрации, с требования «хлеба», революция с каждым днем поднималась на новую ступень. И если первый день — 23 февраля, — когда по призыву большевиков 100 тыс. рабочих забастовали, не был еще днем решительной атаки на самодержавие, то в

---

[1] Стенографический отчет Государственной думы, 5-я сессия, заседание 1-е.

РОСТ ЧИСЛА ЗАБАСТОВАВШИХ И ВОССТАВШИХ РАБОЧИХ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 г. И ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ВОССТАВШИМ ВОЙСК.

последующие дни — 24, 25 февраля — забастовочное движение в Питере охватило сотни тысяч рабочих, и лозунги «хлеба» были сменены лозунгами «долой самодержавие». На третий день революции стачки и демонстрации переросли уже в вооруженное восстание, и уже к вечеру 25 февраля восставшие рабочие явились хозяевами положения в одном из крупнейших районов Питера — Выборгском районе.

В февральские дни. Рис. Ефимова

Свирепые меры, предпринятые царизмом, — стрельба по безоружным, дикая расправа полиции и жандармерии над демонстрантами, — были последней попыткой царизма спасти положение. Рабочие и присоединившиеся к ним солдаты шаг за шагом выбивали царских сатрапов, разбивая опорные пункты полиции и жандармерии, являвшихся последним оплотом царизма. Около полутора тысяч убитых рабочих и солдат в дни Февральской революции в одном только Петрограде говорят о героической борьбе рабочих и солдат с царизмом и его верными сатрапами и опровергают легенду буржуазных историков о «бескровном» и «мирном» характере Февральской революции.

Введение осадного положения в Петрограде, попытки вызова с фронта карательных отрядов, усмирение 26 февраля восставшей роты Павловского полка и упорное сопротивление полиции и жандармерии были проявлениями агонии царизма, издыхающего под ударами восставшего пролетариата, ведущего за собой крестьянство. Победа революции была результатом не какого-то «стихийного процесса», как это изображает Шляпников в своих «мемуарах», а результатом долголетней работы большевистской партии по подготовке пролетариата к исторической роли гегемона революции, результатом огромнейшей революционной работы партии в армии, особенно в годы империалистической войны.

По всей России, во всех промышленных центрах — Питере, Москве, Харькове, Иваново-Вознесенске, Нижнем-Новгороде, на Урале и т. д. — рабочий класс выступает в февральско-мартовские дни как руководящая сила, как гегемон революции. «Революцию, — писал Ленин, — совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения»[1].

Победа революции над царизмом была обусловлена тем, что рабочий класс, прошедший школу героической борьбы с царизмом в революции 1905 г., сохранивший под руководством большевистской партии свою классовую организованность в годы жесточайшей реакции, к дням Февральской революции располагал мощными ударными отрядами, сконцентрированными в основных промышленных районах, которые были способны к решающему натиску на царизм. С другой стороны, свыше пятнадцати миллионов крестьян было призвано в ряды царской армии, собрано в одно место. В этой же армии были сотни тысяч рабочих круп-

[1] Ленин, т. XX, стр. 23—24.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Командующаго войсками Петроградскаго военнаго Округа.

Послѣдніе дни въ Петроградѣ произошли безпорядки, сопровождавшіеся насиліями и посягательствами на жизнь воинскихъ и полицейскихъ чиновъ.

Воспрещаю всякое скопленіе на улицахъ.

Предваряю населеніе Петрограда, что мною подтверждено войскамъ употреблять въ дѣло оружіе, не останавливаясь ни передъ чѣмъ для возстановленія порядка въ столицѣ.

Командующій войсками Петроградскаго военнаго Округа
Генералъ-Лейтенантъ Хабаловъ.

27го февраля 1917 года.

Один из последних документов правительства Николая II

нейших промышленных центров, прошедшие суровую школу классовой борьбы и борьбы с царизмом, имеющие за своими плечами школу длительной политической выучки и в лице которых крестьяне, одетые в солдатские шинели, имели кадры опытных организаторов и руководителей, которые и повели солдатские массы на последний штурм царизма.

Ленин задолго до революции неоднократно подчеркивал, что ни столыпинская реформа, ни империалистическая война не сняли с порядка дня в России «крестьянской войны», которая должна поддержать восстание пролетариата. Война лишь значительно облегчила задачу пролетариата сплотить вокруг себя мелкую буржуазию, повести за собой крестьянство. «Военный кризис, — писал Ленин, — усилил экономические и политические факторы, толкающие ее (мелкую буржуазию. — *Е. Ф.*) и крестьянство в том числе влево. В этом — объективная основа полной возможности победы демократической революции в России».

Вопросы о земле, о революционном выходе из войны не могли быть решены буржуазией в силу ее классовых интересов. Крестьянство, одетое в солдатские шинели, могло пойти только за тем классом, который боролся против войны, и рабочий класс, не имевший «ничего общего с империалистической буржуазией... вел за собой большинство армии, которая состоит ведь из рабочих и крестьян» (Ленин). Рабочий класс под руководством партии большевиков вел крестьянство, одетое в солдатские шинели, на борьбу с царизмом и империализмом.

В февральские дни рабочий класс выступил, ведя за собой крестьянство против царизма, и лишь эти два класса при гегемонии пролетариата были действительными движущими силами Февральской революции. По иронии судьбы, империалистическая буржуазия вынуждена была стать невольным «участником» революции, которой она боялась и которую она ненавидела не меньше, чем сам царизм.

«С чего пошла революция? — говорил т. Сталин на VI съезде большевистской партии. — С коалиции четырех сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. Почему шел на революцию пролетариат? Потому, что он — самый смертельный враг царизма. Почему шло крестьянство? Оно доверяло пролетариату, и оно жаждало земли. Почему шла либеральная буржуазия? Потому что она в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст ей возможность завоевать новые земли... Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали противнику 15 губерний. Отсю-

да — измена либеральной буржуазии царизму. А союзный капитал? Он смотрел на Россию, как на подсобное предприятие для своих империалистических целей. Между тем царизм, первые два года подававший надежды на сохранение единства фронта, стал склоняться к сепаратному миру. Отсюда — измена союзного капитала царизму. Царизм оказался изолированным и тихо и спокойно помер. Эти четыре силы Февральской революции, шедшие вместе, имели разные цели. Либеральная буржуазия и союзный капитал хотели маленькой революции для большой войны. Но масса рабочих и крестьян шла не для этого на революцию. У них были другие цели: 1) покончить с войной и 2) побороть помещиков и буржуазию».

«По различным мотивам, — говорил далее т. Сталин, — не только крестьянство и пролетариат, но и русская буржуазия и иностранный капитал повернулись спиной к царизму... Но далее первые две силы встали в лагерь революции, вторые — контрреволюции» [1].

ПОЧЕМУ БУРЖУАЗИЯ ВСТАЛА У ВЛАСТИ В ФЕВРАЛЕ

Буржуазия, столкнувшись с фактом революции, совершенной рабочими, крестьянами, солдатами и матросами под руководством пролетариата, делает последнюю попытку спасти монархию. Буржуазия боялась революции больше, чем самой оголтелой реакции, и эта боязнь, животный страх буржуазии перед революцией ярко выражен в попытках думских кругов спасти трон Николая Романова.

«Положение серьезное, — телеграфировал председатель Думы Родзянко царю в ставку, — в столице анархия... На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, возглавить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на главу венценосца» [2].

Последний «венценосец» в свою очередь делает отчаянную попытку раздавить революцию. Генерал Иванов со своей карательной экспедицией из «георгиевских кавалеров» пытается прорваться при помощи Государственной думы в Питер для расправы с восставшими рабочими и солдатами, но железнодорожные рабочие не пропускают эшелоны ге-

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 122, 122, 134, Гиз, 1925 г.
[2] Н. Андреев, Революция, 1917 г., стр. 37.

нерала Иванова на Питер, а войска, посланные ему на помощь, переходят на сторону революции.

27 февраля открытием первого заседания Совета рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце знаменуется решающая победа рабочих и крестьян над царизмом. И в этот же день Государственная дума решает выделить из своего состава «Временный комитет» «для поддержания порядка».

В числе крупнейших представителей буржуазии, вошедших во Временный комитет, — Родзянко, Коновалов, Некрасов, Шульгин, Львов, Милюков и др., — было отведено буржуазией два места и своим лакеям — «социалистам» Керенскому и Чхеидзе. Основная задача, поставленная буржуазией перед Временным комитетом, сводилась к тому, чтобы Комитет был действенным орудием ее борьбы с дальнейшим развитием и углублением революции. Временный комитет, пытаясь спасти монархию Романовых, жертвует ненавистным всей стране Николаем и выдвигает нового «венценосца» — наследника Алексея.

2 марта Милюков с трибуны Таврического дворца излагал «очередные задачи» революции. «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, — говорил Милюков, — добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». В этот же день Николай Романов подписал в ставке отречение от престола в пользу своего брата Михаила. Таким образом «революционная» программа буржуазии была выполнена. Однако волна активного протеста фабрик, заводов и казарм смела и эту попытку буржуазии удержать на престоле «дом Романовых». Последняя карта буржуазии на сохранение царизма была бита революцией, и буржуазии ничего не оставалось делать, как «возглавить» революцию, взять власть в свои руки и тем предупредить переход власти в руки рабочих и крестьян, делавших революцию. «Государственной думе ничего не оставалось другого, — повествует Родзянко, — как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождавшуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была бы прекратить нарождающуюся беду».

Стать у власти буржуазии помогли меньшевики и эсеры. Во время войны произошли значительные изменения в составе рабочего класса. Политика царизма, направленная к ослаблению основных кадров рабочих, прошедших школу политической и революционной борьбы с царизмом, особенно

красочно выражена одним из царских сатрапов, генералом Ренненкампфом: «Для того чтобы успешно вести войну, — говорил этот царский сатрап, — прежде всего надо обезглавить революцию, т. е. произвести мобилизацию в рабочих районах так, чтобы она коснулась всех рабочих до 40-летнего возраста; оставшиеся же работать на оборону как военнообязанные вынуждены будут укротить революционный пыл».

Первая же мобилизация (17 июля 1914 г.) произвела опустошение на фабриках и заводах, оторвав от производства до 40% рабочих. Введение института военнообязанных на предприятиях, работающих на оборону, попутно с расширением числа работающих на фабриках и заводах вызвало огромный приток в промышленность новых рабочих, только в годы войны вышедших из деревни, причем наряду с малоземельным и безземельным крестьянином в город шла огромная масса среднего и зажиточного крестьянства, искавшего спасения от мобилизации на заводах и фабриках. Так среди рабочих Москвы (по данным морозовской биржи труда) процент крестьян-собственников к августу 1916 г. возрос до 80.

Война выбрасывала из деревни сырой, недисциплинированный и малосознательный в классовом отношении материал. К этому нужно добавить значительное увеличение применения женского труда и труда подростков по всем основным областям промышленности, привоз рабочей силы с отдаленных окраин и т. д. Эти изменения в составе рабочего класса объясняют, какие слои рабочего класса явились питательной базой для оборончества и шовинизма в годы войны.

С другой стороны, в рабочем классе России несколько выросла группа рабочей аристократии, сотрудничавшая вместе с буржуазией в годы войны в Военно-промышленных комитетах и представлявшая собой социальную основу, на которую опирались меньшевики.

Факт преобладания в России мелкой буржуазии, колеблющейся между пролетариатом и буржуазией, накладывал свой отпечаток на революцию. Мелкобуржуазная волна «заразила, — писал Ленин, — захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику». Образовавшиеся в ходе Февральской революции советы рабочих и солдатских депутатов, являвшиеся органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и опиравшиеся на преобладающее большинство народа, могли и должны были бы взять в свои руки всю государственную власть. Но в силу недостаточной сознательности и оборонческих настроений, захлестнувших широкие

круги рабочих, мелкобуржуазные партии — меньшевики и эсеры — получили абсолютное преобладание в советах. Советы шли за меньшевиками и эсерами, являющимися проводниками влияния империалистической буржуазии на массы. Добросовестное оборончество и влияние в силу этого на массы мелкобуржуазных партий, блокирующихся с буржуазией, облегчали задачу захвата в первые дни революции власти буржуазией, хотя фактически единственной властью, опирающейся на массы и имеющей за собой реальную силу, были советы рабочих и солдатских депутатов.

Переход власти в руки буржуазии объяснялся также и организованностью буржуазии, которой она достигла в годы войны. «Власть досталась в руки этой партии (капиталистам. — *Ред.*), — писал Ленин, — не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 г. и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации» [1]. Наконец одной из причин перехода власти к буржуазии было и содействие англо-французского империализма, который пришел на помощь русской буржуазии предложением займов и опытом своей организации.

«Питерские рабочие и солдаты, — писал Ленин, — как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир, против империалистической бойни. Англо-французский империалистический капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму» [2].

Своеобразие переходного момента Февральской революции заключалось в том, что налицо существовало два центра, два органа власти — Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство, причем советы рабочих и солдатских депутатов усилиями меньшевиков и эсеров с первых же дней своего существования были превращены

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 69.
[2] Ленин, т. XX, стр. 17.

в придаток органа империалистической буржуазии — Временного правительства. «Империалистическая война, — писал Ленин, — требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле как будто бы сразу) догнали Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное», «национальное» (т. е. приспособленное для ведения империалистической бойни и для надувания народа) «парламентское» правительство. Рядом с этим правительством, — в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения данной войны, — возникло новое, неофициальное, неразвитое, еще сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — Совет Рабочих и Солдатских Депутатов» [1].

Советы имели за собой большинство рабочего класса и крестьянства, одетого в солдатские шинели, они опирались на эти массы, представляя собой единственную реальную силу, являясь органами восстания и органами революционной власти. Наличие этой второй власти, порожденной революцией, при одновременном существовании буржуазного Временного правительства придало своеобразие Февральской революции, заключающееся в том, что налицо было две власти — власть империалистической буржуазии и власть советов рабочих и солдатских депутатов.

«В чем состоит двоевластие? — писал Ленин. — В том, что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее другое правительство: Советы Рабочих и Солдатских Депутатов» [2].

Двоевластие было выражением неустойчивого соотношения классовых сил на первом этапе революции и являлось переходным моментом ее развития.

Своеобразие момента было в том, что «жизнь сплела диктатуру пролетариата и крестьянства с диктатурой буржуазии» (Ленин), когда было совершенно ясным, что «дальнейшая ступень — диктатура пролетариата, но он еще недостаточно организован и просвещен» (Ленин). И именно последним обстоятельством и воспользовались буржуазия и Временное правительство, которое и держалось 8 месяцев благодаря бессознательному, доверчивому отношению к нему большинства рабочих и солдатских масс и

---

[1] Ленин, т. XX, стр. 17—18.
[2] Там же, стр. 94.

ультрашовинистической позиции меньшевиков и эсеров, обманывавших массы пустыми и лживыми разговорами о мире без аннексий, об оборонительной войне и т. п., и отстаивавших коалицию с буржуазией. Эти позиции меньшевиков ярко выражены «левой» газетой меньшевиков «Новая жизнь». «Мы полагаем, — писала «Новая жизнь», — что рабочие, солдатские и крестьянские депутаты должны пока (!) поддерживать связь (!) с буржуазным правительством, толкая (?) его вперед по пути революции» [1].

Меньшевики и эсеры, превратив советы в придаток империалистической буржуазии, проповедывали в массах необходимость закрепления власти буржуазии. Меньшевик Абрамович, выступая на конференции меньшевиков, заявлял, что пролетариат должен итти в ногу «с творческой силой, с капиталистической буржуазией, единственной исторической силой, становым хребтом российской революции» (см. Архив меньшевиков за 1917 г.). Другой меньшевик — Либер, излагая программу действий социал-предателей, говорил: «Нужно говорить об укреплении завоеваний революции... а не стремиться к диктатуре и к социальной революции... Исходя из традиций меньшевизма, мы должны сказать, что мы заинтересованы в закреплении завоеваний революции путем борьбы с максимумом свободной классовой борьбы» [2].

Эти документы красноречиво свидетельствуют о том, что социал-предатели больше всего боялись развития и углубления революции, что, став на путь активной поддержки и закрепления власти империалистической буржуазии, меньшевики, «исходя из традиций меньшевизма», стремились использовать всю силу своего влияния на массы для того, чтобы превратить советы рабочих и солдатских депутатов, за которыми стояли рабочий класс и армия, в придаток Временному правительству — органу власти империалистической буржуазии.

«Советы, — писал Ленин, — были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян... Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены... Советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть... Но в Советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, социал-демократов большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти

---

[1] «Новая жизнь» № 1, 1917 г.
[2] «Архив меньшевиков» за 1917 г.

в руки Советов. Большая же часть депутатов в Советах была на стороне партии социал-демократов меньшевиков и эсеров, которые были против передачи власти Советам» [1].

Будучи властью типа Парижской коммуны, советы были «лишь зачаточной властью», поскольку они сами «прямым соглашением с буржуазным Временным правительством, и рядом фактических уступок сдали... позиции буржуазии» [2].

Ленин и партия большевиков основное условие действительного обеспечения победы революции видели в вооружении пролетариата, в укреплении, расширении и развитии роли советов. Правильно оценив создавшееся после Февраля положение и совершенно отчетливо представляя, что в результате все обостряющихся и углубляющихся классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией должно наступить единовластие и установиться диктатура какого-либо одного из этих двух классов, большевики ставили своей задачей показать широчайшим массам рабочего класса необходимость решительной подготовки ко второму этапу революции. «Буржуазия, — писал Ленин, — за единовластие буржуазии. Сознательные рабочие за единовластие Советов Рабочих, Батрацких, Крестьянских и Солдатских Депутатов, — за единовластие, подготовленное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии... Мелкая буржуазия, — «социал-демократы», социал-революционеры и пр. и пр., — колеблется, мешая этому прояснению, этому освобождению. Вот фактическое, классовое, соотношение сил, определяющее наши задачи» [3].

«Особая задача, — говорил Ленин в своем докладе в Цюрихе, — теперешнего момента состоит в организации пролетариата. Но не в той шаблонной организации, которой довольствуются предатели социализма, социал-патриоты, оппортунисты всех стран, а в революционной организации. Эта организация должна, во-первых, быть всеобщей, во-вторых, должна соединять у себя военные и государственные функции» («Ленинский сборник», IV, стр. 275). Такими организациями пролетариата были советы как государственная форма диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, к которым должна была перейти власть на втором этапе революции.

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 70—71. (Разрядка моя — *Е. Ф.*)
[2] Ленин, т. XX, стр. 95.
[3] Там же, стр. 96.

Но это вместе с тем определяло и то, что переход ко второму этапу революции, к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, был немыслим без самого беспощадного разоблачения перед массами правительства империалистической буржуазии и блокирующихся с ней мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров.

КАКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОИЗОШЛА В ФЕВРАЛЕ

Февральская революция, буржуазно-демократическая по своему социальному содержанию, произошла в условиях, когда международный империализм переживал жесточайший кризис. Мировая империалистическая война, до крайних пределов обострившая и вскрывшая все свойственные империализму противоречия, приблизила крах империалистической системы, поставив в порядок дня международного рабочего движения задачу непосредственной борьбы за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата.

«Мировая война 1914—1918 гг., — писал Ленин, — и развязанный ею общий кризис капитализма являются непосредственным результатом острого противоречия между ростом производительных сил мирового хозяйства и его государственными перегородками, показали и доказали, что внутри капиталистического общества уже созрели материальные предпосылки социализма, что капиталистическая оболочка общества стала невыносимыми оковами для дальнейшего развития человечества, что история ставит в порядок дня задачу революционного свержения капиталистического мира» (Ленин).

Ожесточенная борьба империалистических хищников, рост эксплоатации и колониального грабежа, разрушение в гигантских размерах производительных сил и политическая реакция подготовили начало общего кризиса капитализма, послужившего условием открытых революционных выступлений пролетариата. «Диалектика истории именно такова, — писал Ленин, — что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму»[1].

В годы империалистической войны европейские страны вступили в полосу ярко выраженной революционной ситуации, имевшей все основания для перерастания в открытую гражданскую войну.

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 187.

«Самый ход этой войны, — писал Ленин, — и затягивание ее все более углубляет и расширяет эту революционную ситуацию... Война углубила пропасть между интересами пролетариата и существованием буржуазного общества, дозревшего до капиталистического империализма»[1].

Международная социал-демократия, открыто перейдя в годы войны в лагерь буржуазии, выступив с проповедью «классового мира», с проповедью защиты своего отечества, звала рабочие массы к поддержке буржуазии и к участию их в грабительской империалистической бойне. Международный оппортунизм, с которым Ленин и большевистская партия вели беспощадную борьбу с самого начала возникновения большевизма, в годы войны окончательно перерос в социал-шовинизм.

«Война, — писал Ленин, — ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый»[2].

Международный социал-шовинизм являлся в руках империализма сильнейшим орудием обмана и одурачивания масс. Против всего потока социал-шовинизма, патриотической пошлости, лжи и обмана масс этой агентурой империализма большевистская партия выдвинула свой генеральный лозунг: превращение войны империалистической в войну гражданскую. Под этим лозунгом большевики мобилизовали рабочие массы для борьбы против империализма, за социалистическую революцию. Манифест большевиков, написанный Лениным в 1914 г., так определял задачи пролетариата:

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюций и вытекающей из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами»[3].

В статье «Положение и задачи социалистического Интернационала» Ленин писал: «Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповско-сентиментальные и глупенькие воз-

---

[1] «Ленинский сборник», XVII, стр. 172.
[2] Ленин, т. XVIII, стр. 201.
[3] Там же, стр. 66.

дыхания о «мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны!» [1].

В статье о брошюре Юниус, написанной в августе 1916 г., Ленин, критикуя Розу Люксембург, обрисовал программу революционного действия за период войны: «Революция стояла на очереди в 1914—1916 гг., — писал Ленин, — таясь в недрах войны, вырастая из войны. Надо было «провозгласить» это от имени революционного класса, указать до конца, безбоязненно, его программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архиреакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития революционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв «гражданского мира»; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс. Успех всех этих шагов неминуемо ведет к гражданской войне» [2].

Выставляя и пропагандируя в рабочих массах лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, указывая им, что единственным средством прекращения грабительской империалистической войны является переход власти в руки революционного класса, Ленин и большевики ставили основным условием успешной борьбы за социалистическую революцию — задачу самой беспощадной борьбы с социал-шовинизмом и центризмом Каутского, Троцкого и др. Беспощадная борьба с социал-шовинизмом и разоблачение предательской роли каутскианства, подготовка и организация пролетариата для превращения войны империалистической в войну гражданскую являлись для большевиков условием единства революционных действий рабочих всех стран и основным условием подготовки нового революционно-пролетарского интернационала. Все эти вопросы были основными вопросами программы действий большевистской партии; к этому большевики звали и подготовляли международный пролетариат на этот путь — решительного разрыва с оппортунизмом и каутскианством; на путь революционной борьбы за социалистическую революцию, большевики подталкивали и направляли и левые группи-

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 71. (Разрядка моя. — *Е. Ф.*)
[2] Ленин, т. XIX, стр. 188.

ровки социал-демократии (Р. Люксембург, К. Радек и др.), над которыми еще тяготели «проклятые традиции единства» с социал-шовинистами и центристами. Известно, что левые группировки, в том числе и германские левые радикалы, избегали открытой борьбы за социалистическую революцию.

Ленин неоднократно указывал, что массовая революционная борьба против империалистической буржуазии должна непосредственно обусловливать немедленный переход к социалистической революции, ибо «было бы непоследовательностью, — писал Ленин, — признавать революционную массовую борьбу и стремление к немедленному окончанию войны и в то же время отвергать немедленную социалистическую революцию. Первая без второй — ничто, пустой звук».

В отношении России Ленин и большевистская партия совершенно отчетливо представляли, что приближающаяся в ней революция будет буржуазно-демократической, перерастающей в ревслюцию социалистическую. Другими словами, русская революция на первом своем этапе стояла перед задачами буржуазно-демократического преобразования. Наличие полукрепостнических пережитков в экономике и социально-политических отношениях страны в лице царского самодержавия и помещичьего землевладения подчеркивало противоречие между крестьянством и крепостничеством, и их разрешение должно было составить содержание первого этапа русской революции как необходимого этапа для перехода к революции социалистической.

В ноябре 1915 г., критикуя «перманентную революцию» Троцкого, Ленин, говоря о задачах и соотношении классовых сил в предстоящей революции, писал:

«Из этого фактического положения вытекает с очевидностью задача пролетариата. Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., «три кита») — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т. е., главным образом, крестьянство. А вместе с тем беспощадная борьба с шовинизмом, борьба за социалистическую революцию Европы в союзе с *ее* пролетариатом... Если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства» [1].

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 316–317.

Подчеркивая неоднократно, что «социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (Ленин), большевистская партия ставила перед пролетариатом задачу — «победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу» (Ленин), отмечая, что необходимо «давать практические лозунги и не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения» (Ленин). Ленин и партия большевиков не отделяли «китайской стеной» буржуазно-демократическую революцию от революции социалистической. Они совершенно отчетливо представляли, что предстоящая буржуазно-демократическая революция не может остановиться на полпути, ибо «победу буржуазно-демократической революции, — говорит т. Сталин, — Ленин мыслил себе не как окончание борьбы пролетариата и революции вообще, а как первый этап и переходную ступень к революции социалистической» [1].

Первый же день победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства мыслился большевиками и первым же днем ее отмирания, днем перехода к диктатуре пролетариата, ибо гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции «была зародышем и переходной ступенью к диктатуре пролетариата» (Сталин). Свержение царизма и освобождение страны от полуфеодальных пережитков явились лишь условием использования в интересах социалистической революции огромнейшего резервуара революционной энергии и силы крестьянства для удара по империализму.

Колонизаторская политика царизма на Дальнем Востоке, полуфеодальная эксплоатация захваченных царизмом областей и народностей на Кавказе и в Средней Азии и стремление расширить границы «империи» за счет Турции, Армении и Галиции делали особо реакционной роль царской России в империалистической войне. В империалистической войне царизм был вернейшим союзником англо-французского империализма, ставившего задачей разграбление Германии и ее колоний; русский же царизм, воюющий на деньги англо-французского империализма, в свою очередь получал в случае победоносного исхода войны «право» на ограбление Турции, Армении, Галиции. Таким образом «интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок

[1] Стенографический отчет XV конференции ВКП(б), стр. 731.

интересов империализма» (Сталин). Удар, направляемый рабочим классом под руководством большевистской партии, по царизму, являлся вместе с тем и ударом по империализму, ибо «кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка» [1]. Все это вместе взятое и определяло, что предстоящая революция в России не могла остановиться на полпути, что победа буржуазно-демократической революции означала немедленный переход ко второму этапу — революции социалистической. «Революция против царизма, — говорит т. Сталин, — сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую» [2].

Ленинский план был таков: совершив буржуазно-демократическую революцию в России, пролетариат воспользуется ею «немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а — для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [3]. Следовательно на разрешении буржуазно-демократических задач русская революция не останавливается, она неминуемо будет перерастать в революцию социалистическую. Ленин неоднократно подчеркивал, что это перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую произойдет немедленно, ибо империализм и война «чрезвычайно» приблизили вторую революцию к первой.

«Каковы союзники пролетариата в данной революции? — писал Ленин. — У него два союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающаяся, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России... Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран... С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу» [4].

Ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую в годы

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 9, изд. 9-е.
[2] Там же.
[3] Ленин, т. XVIII, стр. 31.
[4] Ленин, т XX, стр. 19–20.

войны оставался тем же, что и в 1905 г. Социально-экономические условия страны попрежнему выдвигали перед пролетариатом задачи буржуазно-демократической революции, которая являлась лишь первым этапом революции, необходимым для того, чтобы немедленно перейти ко второму — к революции социалистической.

Как известно, Ленин еще в 1905 г. в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» писал: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути... Мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической. Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания, — мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся» [1].

Ленин в годы империалистической войны дал законченный анализ империализма, обосновал закон неравномерного развития капитализма, доказал в борьбе с Троцким и с вождями II Интернационала возможность победы социализма в одной стране и тем разрешил центральную проблему международного рабочего движения, проблему прорыва слабого звена в империалистической цепи. Ленин и большевики перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую считали возможным отнюдь не только в случае победы пролетариата на Западе. Они исходили из того, что внутренние силы русской революции при гегемонии пролетариата «обусловливают это перерастание» (Ленин). Для большевиков было ясно, что революция в России может быть величайшей предпосылкой революции на Западе, базой мировой социалистической революции.

Ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую и возможность победы социализма в одной стране зиждется на гениальном анализе Лениным всей системы империализма.

«Раньше считали, — говорит т. Сталин, — победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для

---

[1] Ленин, т. VIII, стр. 186—187.

победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира — все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством» [1].

Февральскую революцию Ленин рассматривал как первый этап революции, на котором борьба не останавливается, а перерастает во второй, в борьбу за социалистическую революцию, которая явится началом всемирного прорыва фронта интересов капитала. «Русская революция февраля-марта 1917 г., — писал Ленин, — была началом превращения империалистической войны в войну гражданскую. Эта революция сделала первый шаг к прекращению войны. Только второй шаг может обеспечить прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта» — фронта интересов капитала, и, только прорвав этот фронт, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира. И к такому «прорыву фронта» капитала русская революция уже подвела пролетариат России вплотную, создав Советы Рабочих Депутатов» [2].

«В 1917 г., — говорит т. Сталин, — цепь империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции. Почему? Потому, что в России развертывалась величайшая народная революция, во главе которой шел революционный пролетариат, имевший такого серьезного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплоатируемое помещиком. Потому, что против революции стоял там такой отвратительный представитель империализма, как царизм, лишенный всякого морального веса и заслуживший общую ненависть населения» [3].

За все эти исходные положения Ленину и большевистской партии пришлось вести упорную и непримиримую

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 26—27, изд. 9 е.
[2] Ленин, т. XX, стр. 119.
[3] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 21, изд. 9-е.

борьбу против всего фронта социал-реформистов из II Интернационала, «ибо Россия была узловым пунктом противоречий империализма»... «ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма, которому должен быть противопоставлен общий фронт революционного движения всех стран», ибо «русская революция была (и останется) узловым пунктом мировой революции, ибо коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции» (Сталин).

Большевистская непримиримость к международному оппортунизму и центризму и их российской разновидности — меньшевизму и троцкизму, гениальное ленинское определение задач рабочего класса в эпоху империализма и правильный прогноз соотношения классовых сил и характера предстоящей революции в России обусловили то, что партия большевиков, ясно представляя себе истинный смысл Февральской революции, безошибочно ориентировала рабочий класс в чрезвычайно сложной обстановке послефевральского развития России.

МИРА, ХЛЕБА И ЗЕМЛИ

Временное правительство, представляющее интересы помещиков и империалистической буржуазии, не могло в силу своих классовых интересов разрешить вопросов о мире, о хлебе и о земле, которые являлись стержневыми вопросами Февральской революции. Временное правительство Гучковых, Милюковых и Львовых рассматривало революцию как средство для продолжения империалистической войны до «победного конца». Подобное понимание буржуазией революции ярко выражено Гучковым, заявившим: «Я смотрю на революцию как на средство лучше воевать. Сделаем маленькую революцию для большой победы». Другой представитель буржуазии, Милюков, писал, что «Февральскую революцию мы называли «бескровной» и считали национальной и разумной. Это был плод порыва всех частей нации и всех политических групп, включая и консервативные, к освобождению от устаревшей политической формы, мешавшей объединить все силы нации в общем усилии самозащиты от внешнего врага» [1].

Между тем рабочие и крестьянские массы ждали от революции прежде всего мира, и стремление буржуазии продол-

[1] П. Милюков, Россия в плену у Циммервальда, стр. 10.

жать грабительскую войну несло для них новые чудовищные бедствия, обрекало их на голод и вымирание. Вся политика Временного правительства и особенно предпринятое им авантюристическое наступление в июне 1917 г. под руководством главноуговаривающего «социалиста» Керенского является блестящим подтверждением оценки империалистической политики Временного правительства, которая дана была партией большевиков. «Война была и остается империалистической — писал т. Сталин. — Разговоры о мире без аннексий при готовящемся на деле наступлении лишь прикрывают грабительский характер войны. Временное правительство определенно стало на путь активного империализма» [1].

Продолжение войны нужно было буржуазии и для борьбы с революцией: оно означало концентрацию власти в руках военщины; оно означало путь к уничтожению двоевластия.

Лозунг буржуазии: «Война до победного конца» — был лозунгом диктатуры военщины и должен был служить основной задаче — раздавить революцию.

«Наступление, — писал Ленин, — означало фактическое возобновление грабительской войны в интересах капиталистов вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой — переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны».

Те же классовые интересы буржуазии и помещиков определяли невозможность разрешить и другой стержневой вопрос революции — вопрос о земле. Дать землю крестьянам означало ударить не только по помещичьей собственности, но и по собственности капиталистической, так как значительная часть помещичьих земель была заложена в капиталистических банках.

Буржуазия при активном участии меньшевиков и эсеров кормила крестьянство обещаниями и «завтраками», пышными фразами о том, что вопрос о земле будет разрешен Учредительным собранием; помещичье-буржуазное Временное правительство совместно с министрами-«социалистами» — Керенским, Черновым, Скобелевым и др. фактически закреп-

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 57, Гиз, 1925 г.

ляло помещичьи латифундии за крепостниками. Карательные отряды и мобилизация всех сил государственного аппарата правительством Керенского против крестьянского движения, прокатившегося по всей стране и направленного к захвату помещичьих земель, помогли основным массам крестьянства понять действительную классовую сущность Временного правительства. Карательные экспедиции Керенского являлись блестящей иллюстрацией предательской роли эсеров и меньшевиков в вопросе о мире и о земле, помогая

Павловский полк возвращается с демонстрации 12 апреля 1917 г.

широким массам крестьянства быстрее освобождаться от влияния эсеров и меньшевиков.

Временное правительство не разрешило и не ликвидировало становящуюся все реальнее угрозу голода, и, больше того, буржуазия устами Рябушинского грозила тем, что «костлявые руки голода схватят за горло демократические советы и комитеты». Эта угроза не была только фразой в устах взбешенного буржуа, ненавидевшего революцию. Катастрофический рост безработицы и неимоверная дороговизна на предметы первой необходимости сделали угрозу голода реальной действительностью для широчайших масс рабочих.

Так если в марте в Питере было закрыто 74 предприятия и уволено около 7 тыс. рабочих, то в мае было закрыто 108 предприятий и уволено 8 700 рабочих, а в июне было закрыто 125 предприятий и выброшено на улицу 38 700 рабочих.

В то же время цена на фунт мяса поднялась с 25 коп. до 2 руб. за фунт; обед, стоивший раньше 50 коп., дошел до 2 руб.; квартирная плата возросла за 4 месяца на 200% и т. д. Костлявая рука голода в виде растущей безработицы и бешеного роста цен на предметы первой необходимости настойчиво стучалась в двери рабочих.

Вся политика Временного правительства способствовала изживанию иллюзии у широких масс рабочего класса и крестьянства, помогала росту их революционного классового сознания, а тем самым высвобождению из-под влияния мелкобуржуазных партий — эсеров и меньшевиков.

Ход развития Февральской революции подтвердил тот анализ, который был дан Лениным движущим силам революции задолго до Февральской революции. «Революционная» буржуазия была контрреволюционной силой, которая ставила своей задачей задушение революции, введя вместе с «социалистом» Керенским смертную казнь на фронте. Империалистическая буржуазия, беспощадно расправляясь с демонстрациями рабочих и солдат в Питере, посылая карательные отряды против крестьян, захватывающих помещичьи земли, в то же время пыталась в лице генерала Корнилова выдвинуть своего Кавеньяка, который смог бы потопить революцию в крови.

Политика продолжения грабительской войны, проводимая империалистической буржуазией, поддерживалась активно мелкобуржуазными партиями — меньшевиками и эсерами.

Общерусская конференция меньшевиков, происходившая 20—24 мая 1917 г., в своей резолюции о войне заявляет, что, «пока войне не положен конец усилиями международного пролетариата, вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боевой мощи и способности к активным операциям русской армии» [1].

По поводу же наступления на фронте Организационный комитет меньшевиков 21 июня принимает резолюцию, в которой заявляет:

«ОК призывает рабочий класс и всю революционную демократию всемерно поддержать революционную армию, перешедшую в наступление» [2].

---

[1] «Архив меньшевиков» за 1917 г.

[2] Там же.

В этом же духе составлена и резолюция объединительного съезда меньшевиков: «Вся воля российского пролетариата, — гласит резолюция, — должна быть направлена к отражению неприятельского нашествия и к спасению страны и революции. Съезд призывает социалистический пролетариат и всю демократию в этот решающий час теснее сплотиться вокруг дела защиты страны, чтобы отвести смертельный удар, нависший над революционной Россией» [1].

В своей избирательной платформе на выборах в Учредительное собрание меньшевики писали: «Ведя энергичную борьбу за всеобщий мир в советах и среди широких рабочих масс, обращаясь с призывом о мире ко всем воюющим народам, социал-демократы меньшевики считают в то же время своим долгом решительную защиту страны и революции от грозящей ей внешней опасности, добиваясь увеличения боеспособности армии» [2].

Эти официальные документы красноречиво характеризуют меньшевиков. Пустые фразы с требованием мира на словах и активная помощь империалистической буржуазии в продолжении империалистической бойни — такова суть декларации этих проводников интересов империалистической буржуазии в массах.

Меньшевики и эсеры, помогая буржуазии держать массы под своим влиянием, пытались таким образом предоставить возможность буржуазии выиграть время для укрепления своих позиций и осуществления грабительских договоров с «союзниками» — англо-французскими империалистами. Блок мелкобуржуазных партий с буржуазией, добровольная уступка власти буржуазному Временному правительству, влияние мелкобуржуазных партий на отсталые и малосознательные слои рабочего класса и крестьянства являлись основным тормозом перерастания революции от первого (буржуазно-демократического) этапа ко второму (пролетарскому) этапу революции.

Партия большевиков, правильно учитывая своеобразие переходного периода, созданного Февральской революцией, и правильно учитывая соотношение классовых сил, положила в основу своей тактики беспощадное разоблачение империалистических целей буржуазии, указывая, что выход из империалистической войны может быть достигнут только свержением власти буржуазии.

---

[1] «Рабочая газета» № 143 за 1917 г.
[2] «Рабочая газета» № 195 за 1917 г.

«Нельзя выскочить из империалистической войны, — писал Ленин, — нельзя добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату» [1].

Без высвобождения широких масс из-под влияния мелкобуржуазных соглашательских партий, являющихся одним из флангов империалистической буржуазии в ее борьбе против революции, оказывающихся во всем решающем и важном всегда «в хвосте буржуазии, более сильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей» (Ленин), невозможна была мобилизация рабочих и крестьянских масс под лозунгом свержения власти империалистической буржуазии.

Старые «социалистические» этикетки меньшевиков и эсеров помогали этим агентам контрреволюционной буржуазии затемнять и отравлять сознание рабочих и крестьянских масс, и именно потому эти партии являлись «наиболее опасной социальной опорой империализма» (Сталин). Политика соглашения с буржуазией меньшевиков и эсеров логически завершалась активным выступлением социал-соглашателей против революции.

Большевистская партия беспощадно разоблачала соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, на них были направлены главные удары Ленина и большевиков. Изоляция мелкобуржуазных партий ставилась большевиками как основное условие успешной борьбы рабочего класса и беднейшего крестьянства против господствующей силы — империалистической буржуазии, «ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения же этого правительства невозможно было вырваться из войны» (Сталин).

ФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ РЕВОЛЮЦИИ

Партия большевиков была единственной партией, которая правильно понимала особенность переходного момента, созданного Февральской революцией. Только большевики отчетливо представляли себе своеобразие переплетения диктатуры империалистической буржуазии и революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, двоевластия, о котором «никто раньше не думал и думать не мог» (Ленин).

---

[1] Ленин, т. XX, стр. 118—119.

Ленин неоднократно подчеркивал, что главное и основное, что требуется от революционной партии для правильного руководства массами и обеспечения победы пролетариата, это — «суметь приспособлять свою тактику и свои ближайшие задачи к особенностям каждой данной ситуации» [1]. Февральско-мартовские дни дали победу рабочих и крестьян, солдат и матросов над царизмом и подготовили переход ко второму этапу революции, к борьбе за социалистическую революцию. Задача пролетариата на этом втором этапе заключалась в свержении Временного правительства, олицетворяющего власть империалистической буржуазии. «Мы находимся, — говорил Ленин, — на переходе от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, против империалистической войны» [2].

Выдвинув лозунг «вся власть советам», большевистская партия совершенно четко себе представляла, что «особая задача теперешнего момента заключается в организации пролетариата» (Ленин), в завоевании большинства в советах и освобождении масс от влияния на них мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров.

«Правительство должно быть свергнуто, — писал Ленин, — но не все правильно это понимают. Если власть Временного правительства опирается на Совет рабочих депутатов, то свергнуть его «просто» нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в советах». Отсюда ясны задачи, стоявшие тогда перед партией пролетариата. «Центр тяжести всей теперешней позиции — разъяснять это. Бланкизм состоял в том, что он стремился к захвату власти, опираясь на меньшинство. У нас совсем другое. Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство». «Нашей задачей, пока это правительство (СРД) поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс разъяснение ошибок и тактики. Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок» [3].

---

[1] Ленин, т. XX, стр. 39.
[2] Там же, стр. 62.
[3] Там же, стр. 178—179.

С первых дней Февраля вплоть до Октябрьских дней партия большевиков упорно работала над формированием своей армии, армии пролетарской революции. Партия исходила при этом из ленинского положения о том, что с одним авангардом победить нельзя, и вся деятельность партии в этот период представляет собой образец глубокой органической связи партии с массами, сочетание этой связи с «железной энергией, твердостью, решительностью, беззаветностью борьбы» (Ленин), с беспощадным разоблачением

Красногвардейцы у Смольного

и решительной борьбой со всяческими классово враждебными пролетариату силами и их агентурой — мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров. Партия руководствовалась ленинским указанием, что «марксист первый проводит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол... марксист первый вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межеумков» [1].

Всегда правильно учитывая силы революции, партия большевиков никогда не преуменьшала и сил контрреволю-

[1] Ленин, Кризис меньшевизма.

ции. Она всегда прямо и открыто говорила с рабочими массами о всех трудностях, стоявших на пути их победы. Ленин не раз в последующие годы учил партию помнить о том, «после какого долгого и трудного развития эпохи Керенского, какой ценой громадной подготовительной работы в советах мы дошли до того, что после тяжелых июльских поражений, после корниловщины вполне назрела наконец в октябре среди громадных масс трудящихся решимость для этого» (восстания. — *Е. Ф.*).

Партия организовывала массы, укрепляла и расширяла гегемонию пролетариата в революции путем мобилизации всех сил революции на преодоление всех трудностей, стоявших на пути победы рабочего класса и беднейшего крестьянства; она говорила, что «кто боится поражения перед началом великой борьбы, тот может называть себя социалистом лишь для издевательства над рабочими» [1].

Работая во всех организациях пролетариата, будучи всюду, где находились рабочие массы, возглавляя и руководя стихийными взрывами возмущения масс политикой империалистической буржуазии, партия большевиков вела подготовку Октября, завоевывала большинство трудящихся масс на свою сторону, под свои боевые знамена и лозунги.

Разбивая мирные, конституционные иллюзии, «добросовестное оборончество», преодолевая несознательность масс в условиях бешеного наступления империалистической буржуазии, партия своей работой добилась того, что после июньского наступления и корниловских дней произошел коренной перелом в настроении масс, что массы поняли, что только большевики являются подлинными борцами за их действительные нужды, что диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства может вывести народное хозяйство страны и рабочий класс из колоссальной экономической разрухи и прекратить империалистическую бойню. Результатом огромнейшей работы партии явилось то, что в мае, когда партия развернула кампанию за перевыборы советов в Ленинграде, половина мест в рабочей фракции и около четверти солдатской фракции были за большевиками.

Таково было содержание тактики большевистской партии в подготовке пролетариата и беднейшего крестьянства ко второму этапу революции, к переходу власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Большевики вскрыли перед массами политику Временного правительства, ведущего страну к голоду, разрухе

---

[1] Ленин, т. XXVII, стр. 7.

и катастрофе. Внутренняя и внешняя политика самого Временного правительства облегчала большевикам задачу разоблачения империалистической природы этого правительства перед широчайшими массами рабочих и крестьян, солдат и матросов. Временное правительство не только подтвердило все тайные договоры царского правительства с союзными государствами (Англия, Франция и др.), но стало на путь новых тайных переговоров с ними о продолжении войны. Заверения французских и английских империалистов Милюковым в знаменитой ноте от 18 апреля о том, что Россия будет попрежнему продолжать войну до «победного конца», нанесли первый удар по добросовестному оборончеству и вызвали огромное возмущение среди рабочих и солдатских масс.

Это возмущение масс политикой Временного правительства вылилось в вооруженную демонстрацию 20—21 апреля. Эта демонстрация, охарактеризованная Лениным как движение «бурно-стихийное, совсем неорганизованное», представляла собой стихийное выражение возмущения масс и их протеста против политики империалистической буржуазии.

Неправильно оценивал первый этап революции (Февральской), не понимал тактики большевиков, направленной к созданию политической армии для социалистического Октябрьского штурма, Троцкий. В своих «Уроках Октября» апрельскую демонстрацию он рассматривал как «разведку». «Апрельская манифестация, — писал Троцкий, — взявшая «левей», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством»[1]. Так же изображал Троцкий и последующую июльскую демонстрацию, заявляя, что «по существу дело и на этот раз свелось к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе развития»[2]. Теория «разведок» потребовалась Троцкому для того, чтобы возвести поклеп на партию и Ленина в том, что большевики, мол, еще в апреле располагали готовой политической армией из рабочих и крестьян, но не бросали эту армию на восстание, а вместо этого занимались «разведками». Это нужно Троцкому для того, чтобы смазать всемирно-историческую значимость Октябрьского штурма и руководящую роль партии в подготовке Октябрьского восстания и в организации армии пролетарской революции.

Тов. Сталин еще в 1924 г. разоблачил троцкистскую тео-

---

[1] Троцкий, 1917 год.
[2] Там же.

рию «разведок» и троцкистские поклепы на Ленина и партию. «У большевиков не было, — писал т. Сталин, — да и не могло быть в марте 1917 г. готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к октябрю 1917 г.) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 г., создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов» [1].

Баррикада на Литейном в Петрограде

Провал предпринятого Керенским июньского наступления на фронте лишь вскрыл перед массами с исключительной ясностью, куда и к чему вела империалистическая буржуазия страну. Новая волна возмущения масс Временным правительством прорвалась в стихийных демонстрациях 10 и 18 июня, когда массы вышли с требованием передачи власти советам. В ответ на эти вспышки и революционные выступления пролетариата Временное правительство при активной поддержке эсеров и меньшевиков открыто

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 145.

встало на путь открытого контрреволюционного наступления на революцию.

При помощи юнкеров и наиболее реакционно настроенных казачьих частей Временное правительство расстреливало демонстрации рабочих, солдат и матросов, разгоняло революционные рабочие организации, обрушив со всей силой удар на большевистскую партию. Против Ленина и большевиков контрразведкой фабриковались клеветнические «документы» о шпионаже, а юнкера громили типографию и редакцию большевистской «Правды». Разнузданные толпы юнкеров хватали и избивали на улицах рабочих, солдат и матросов. Юнкерами был убит старый большевик т. Войнов. Фактическая диктатура военщины закреплялась назначением генерала Корнилова на пост верховного главнокомандующего, который должен был сыграть роль Кавеньяка империалистической буржуазии и душителя революции.

Выполнить роль Кавеньяка российской буржуазии Корнилову однако не удалось. Большевистская партия, успевшая стать самой сильной партией в стране, организовала решительный отпор контрреволюции. Корниловское выступление и борьба с ним дали возможность большевистской партии еще больше укрепить свое влияние на массы, еще теснее сплотить широкие массы рабочих, солдат и матросов под знаменем большевизма. Тактика партии в корниловские дни, проводимая Лениным (загнанным Временным правительством в подполье) и непосредственно руководившим всей партийной работой этого периода т. Сталиным, является образцом гениальной маневренности и организации масс для подготовки к решительному штурму — пролетарской революции. «В чем же изменение нашей тактики, — писал Ленин, — после восстания Корнилова? В том, что мы видоизменяем ф о р м у нашей борьбы с Керенским. Ни на иоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо у ч е с т ь момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы и н а ч е теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснить народу (борящемуся против Корнилова) с л а б о с т ь и ш а т а н и я Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало г л а в н ы м: в этом видоизменение. Далее, видоизменение в том, что теперь г л а в н ы м стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянко, узаконь

передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и фабриками и пр., и пр. И не только к Керенскому, и не столько к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров... чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянко и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия «Речи» и других буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эсеров особенно надо толкать в эту сторону. Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей истинно революционной войны с Корниловым»[1]. Организуя отпор корниловскому мятежу, большевистская партия энергично проводила организацию вооружения питерских рабочих и рабочих всех промышленных центров, укрепляя и увеличивая ряды Красной гвардии. Корниловский мятеж окончательно разоблачил перед широчайшими массами контрреволюционную сущность империалистической буржуазии. Советы, руководимые меньшевиками и эсерами в корниловские дни, снова получили возможность взять власть в свои руки, порвав коалицию с представителями контрреволюционной буржуазии в правительстве. Учитывая эту новую политическую ситуацию, Ленин предлагал меньшевикам и эсерам порвать с контрреволюционными кадетскими заговорщиками и взять власть в руки советов. В своей статье «О компромиссах» Ленин писал: «Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков» [2].

Предлагая компромисс меньшевистско-эсеровским советам, Ленин совершенно ясно учитывал, что меньшевики и эсеры, взявшие власть в свои руки, окончательно разоблачаются своей деятельностью перед рабочими и крестьянскими массами. Но меньшевики и эсеры не пошли на компромисс, они вновь передали власть коалиционному правительству Керенского с участием кадетов, активных сообщ-

---

[1] Ленин, т. XXI, стр. 116, 119.
[2] Там же, стр. 133.

ников Корнилова. Меньшевики и эсеры еще раз показали себя как активные пособники контрреволюционной буржуазии.

Открытый поход контрреволюционной буржуазии после июльских дней против революции снял с порядка дня возможность мирного развития революции. После июльских дней наступило фактическое всевластие и торжество контрреволюции, поставившее в порядок дня вооруженное восстание пролетариата за свою диктатуру.

Демонстрация в Июльские дни

В контрреволюционном походе империалистической буржуазии против революции меньшевики и эсеры шли рука об руку с буржуазией. По вызову меньшевиков из ЦИК меньшевик Мазуренко ведет наиболее реакционные кавалерийские части в Питер на усмирение рабочих, солдат и матросов. Меньшевик Либер с трибуны ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов 13 июля произносит погромную речь против большевиков. «Вы, большевики, — заявляет Либер, — двинули полки против полномочных, против революционной демократии, вы организовали восстание, вы развязали руки контрреволюции и вы — вы спрашиваете, кто в этом виноват? — Виноваты вы». Меньшевистско-бундовская газета

«День» 5 июля выступает с прямым призывом к погрому большевиков, рабочих, солдат и матросов. «Два дня, — писалось в передовице «Дня», — лилась кровь во имя анархии. Завтра она прольется во имя порядка. Но в том и другом случае кровь эта падает на головы тех, кто преступно-предательски разбрасывает семена гражданской войны».

В грозные для революции дни меньшевики и эсеры активно выступали против революции как «фактические участники и пособники контрреволюционного палачества» (Ленин). Активное сотрудничество руководимых меньшевиками и эсерами советов и главным образом верхушки этих советов с контрреволюционной буржуазией исключило всякую возможность мирного развития революции и делало бессмысленным старый лозунг: «Вся власть советам». Партия большевиков временно снимает этот лозунг с порядка дня. «Можем ли мы остаться при старом лозунге: «Вся власть советам»? — говорит т. Сталин на конференции петроградской организации большевиков. — Само собой нет. Передать власть Совету, который на деле молчаливо идет рука об руку с буржуазией, значит работать на своего врага... Мы, безусловно, за те Советы, где наше большинство. И такие Советы мы постараемся создать. Передать же власть Советам, заключающим союз с контрреволюцией, мы не можем... Мирный путь революции кончился... мелкая буржуазия, кроме беднейших слоев крестьянства, контрреволюционна, поэтому лозунг: «Вся власть советам» для данного момента устарел» [1].

«Мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, — говорил т. Сталин на VI съезде партии, — следовательно, вопрос не в форме, а в том, какому классу передается власть, вопрос о составе... Борьба с верхами Советов в союзе с беднейшими слоями крестьянства и сметение контрреволюции — вот очередной вопрос» [2].

Подчеркивая, что власть находится в руках контрреволюционной буржуазии, VI съезд партии заявил, что «...Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли во-время всей государственной власти в свои руки. Лозунг передачи власти Советам, выдвинутый первым подъемом революции, который пропагандировала наша партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам, постепенного изживания мелкой

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 96—99.
[2] Там же, стр. 130—133.

буржуазией ее иллюзий. В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема» [1].

Июльскими днями в революции «начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы... Надо исходить, — писал Ленин, — при начале нового цикла, из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков, и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом» [2].

Послеиюльский «цикл» был периодом непосредственной подготовки к свержению власти контрреволюционной империалистической буржуазии. Генеральная линия партии большевиков на этот период была намечена VI съездом партии и являлась продолжением линии Апрельской конференции, но в новой обстановке, с новым соотношением классовых сил. «Все признаки указывают на то, — писал Ленин, — что ход событий продолжает итти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату» [3].

Эта ленинская оценка классовых сдвигов и нового подъема в развитии революции и была положена в основу решений VI съезда партии, наметившего тактику большевистской партии на ближайший предоктябрьский период. Съезд в резолюции по докладу т. Сталина о политическом положении решительно поставил задачу «полной ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии», подчеркнув, что задачей пролетариата является «направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих — против буржуазии» [4].

VI съезд решительно отвергнул поправку Преображен-

---

[1] „ВКП(б) в резолюциях съездов и конференций“, стр. 187—188.
[2] Ленин, т. XXI, стр. 38.
[3] Там же, стр. 63.
[4] Стенографический отчет, стр. 92, изд. 4-е.

ского к резолюции о текущем моменте, в которой он поддерживал старый троцкистский тезис о том, что строительство социализма в нашей стране невозможно без предварительной победы пролетарской революции на Западе. Выступая против поправки Преображенского, т. Сталин говорил, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой абсолютной свободой, какая была в России, не пробовала осуществить контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией, в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».[1]

Съезд решительно отвергнул механическую теорию Бухарина о двух фазисах революции. Эта теория фазисов — «первый фазис с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы» — была беспощадно разоблачена т. Сталиным и отвергнута съездом как неправильная и чуждая большевизму теория.

Корниловский мятеж и первое поражение вооруженных сил контрреволюции вызвали новый подъем массового революционного движения, и с этого момента массовое революционное движение направляется большевистской партией на путь, непосредственно ведущий к Октябрьскому штурму.

В своей речи на пленуме фракции ВЦСПС в ноябре 1924 г. т. Сталин говорил о трех периодах в подготовке политической армии революции к Октябрьскому штурму.

1. Период новой ориентировки партии (март—апрель). «Характерной чертой этого периода является тот факт, что существуют рядом, вместе, в одно и то же время и диктатура буржуазии, и диктатура пролетариата и крестьянства, причем последняя доверчиво относится к первой, верит в ее мирные стремления, добровольно отдает власть буржуазии и превращает себя, таким образом, в ее придаток. Серьезных конфликтов между двумя диктатурами нэт еще. Но есть зато контактная комиссия»[2].

---

[1] Сталин. На путях к Октябрю, стр. 138.
[2] Сталин, Об оппозиции, стр. 107, Гиз, 1928 г.

Смольный

2. Период революционной мобилизации масс (май—август). «Характерной чертой этого периода нужно считать обострение кризиса и нарушение того неустойчивого равновесия между Советами и Временным правительством, которое — плохо ли, хорошо ли, — существовало в предыдущий период. Двоевластие стало нестерпимым для обеих сторон. Хрупкое здание «коалиционной комиссии» доживает последние дни. Кризис власти и «министерская чехарда» являлись тогда самыми модными словечками момента. Кри-

зис на фронте и разруха в тылу делают свое дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей-оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контрреволюции. Контрреволюция, в свою очередь, подстегивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня» [1].

3. Период организации штурма (сентябрь — октябрь). «Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков. Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта особенность, в том, что каждый, или почти каждый, шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск был серьезным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Ленинграда от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-революционного комитета и организации сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Ленинградского совета от возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и объясняется внешне оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию» [2].

Мощь большевистской тактики заключалась в том, что, с одной стороны, не отставая от движения масс, а с другой — не забегая вперед, не теряя никогда связи с массами, не отрываясь от них, большевистская партия, правильно учитывая изменяющуюся обстановку и соотношение классовых сил, указывала пролетариату путь его борьбы за свою

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 111, Гиз, 1928 г.
[2] Там же, стр. 113—114.

диктатуру, давая образец марксистско ленинского руководства борьбой пролетариата и беднейшего крестьянства за социалистическую, пролетарскую революцию.

При осуществлении твердого курса на социалистическую революцию, партии пришлось провести упорнейшую борьбу не только с открытыми классовыми врагами и мелкобуржуазными, соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров, но и внутри партии с различными оппортунистическими уклонами от генеральной линии партии, намеченной Лениным на Апрельской конференции большевиков и продолженной в новой обстановке предоктябрьского периода VI съездом партии.

БОРЬБА ПАРТИИ С ОППОРТУНИСТИЧЕСКИМИ ИЗВРАЩЕНИЯМИ ЛЕНИНСКОГО ПЛАНА ПЕРЕРАСТАНИЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Февральская революция, явившаяся началом превращения войны империалистической в войну гражданскую, открыла новый период в истории большевистской партии, период непосредственной борьбы за власть и диктатуру пролетариата. «Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии» (Сталин). Большевистская партия проделала огромнейшую работу в годы, непосредственно примыкающие к Февралю, по организации сил революции. Партия имела за собой опыт руководства пролетариатом и крестьянством в борьбе с царизмом в первой революции эпохи империализма — революции 1905—1907 гг., в которой русский пролетариат «завоевал себе роль гегемона в борьбе за свободу, за демократию как условие для борьбы за социализм» (Ленин). Однако своеобразие переходного момента, заключающегося в том, что «Февральская революция 1917 г. была осуществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии» (Сталин), в том, что «большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретные дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее» (Ленин), — требовало от партии новой ориентировки соответственно новым своеобразным условиям борьбы.

«Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы, — говорит т. Сталин. — Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью»[1].

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 107.

Лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществился в форме своеобразного двоевластия. Первый этап революции кончился. Партия большевиков, исходя из ленинской идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, выдвинула вопрос о переходе ко второму этапу революции, осуществляя это до приезда Ленина. Обстановка для партии и пролетариата была трудная. Нельзя было итти на немедленное свержение Временного правительства, связанного с советами и поддерживаемого ими, в то же время и нельзя было становиться на путь какой бы то ни было поддержки Временного правительства, ибо оно являлось правительством империалистической буржуазии.

Большинство партии еще до приезда Ленина решительно боролось против какой бы то ни было поддержки Временного правительства и против уступок оборончеству. Только одна, весьма незначительная часть партии во главе с тогда же исключенными из партии Войтинским и Севрюком пыталась тащить партию на оппортунистические позиции, навязать партии политику поддержки Временного правительства и войны. Партия совершенно отчетливо ставила вопрос о том, что для того, чтобы закрепить и развернуть революцию дальше, необходимо всемерно укреплять советы рабочих и солдатских депутатов. «Чем теснее сплочены эти советы, — писал т. Сталин 14 (27) марта, — чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа, тем реальнее гарантии против контрреволюции»[1].

Укрепление советов рабочих и солдатских депутатов как «органов революционной власти, мобилизующей все живые силы народа против контрреволюции» (Сталин) являлось для партии первым условием победы революции, а «немедленное вооружение рабочих, рабочая гвардия — таково второе условие победы революции»[2]. Решительно борясь с оппортунистическими позициями Войтинского и Севрюка, подавляющее большинство партии ставило задачей — дать советам разглядеть империалистическую сущность Временного правительства и тем их оторвать от последнего.

В то же время партия вела решительную борьбу с Каменевым, стоявшим на позиции поддержки Временного правительства и на оппортунистических оборонческих позициях в вопросах отношения большевистской партии к войне.

---

[1] Сталин, На путях к Октябрю, стр. 2.
[2] Там же, стр. 10.

Каменев, отрицая ленинское определение Февральской революции, в которой «началось превращение империалистической войны в гражданскую войну», в своей статье «Без тайной дипломатии» заявлял: «Наш лозунг, — давление на Временное правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения войны. А до тех пор (?) пусть каждый останется на своем посту... свободный народ будет крепко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд снарядом»[1]. На первом Всероссийском совещании и на мартовском совещании большевиков Каменев отстаивал «единый фронт с буржуазной демократией». Эти оппортунистические позиции Каменева особенно ярко проявились в его борьбе с Лениным и партией на Апрельской конференции и после конференции, когда группа правых оппортунистов — Каменев, Ногин, Рыков — открыла свою атаку на Ленина и партию. Только троцкистские фальсификаторы (Эльвов, Кип и др.) и меньшевистская клевета на партию, исходящая из пространного труда Шляпникова «1917 г.», замалчивают и обходят борьбу партии до приезда Ленина с оппортунистами — Войтинским, Севрюком, Каменевым, Ногиным и Рыковым, ставят знак равенства между позицией изгнанных из партии Севрюка и Войтинского, правыми оппортунистами и позицией партии, забывая в угоду Троцкому, что, если бы большинство партии и ее руководство стояло на позиции Войтинского и Севрюка, а также Каменева, Ногина и Рыкова, нельзя было бы совершенно объяснить тот факт, что сразу же по приезде Ленина подавляющее большинство партии приняло апрельские тезисы Ленина.

В основном апрельские тезисы сводились к тому, что они прежде всего ярко подчеркивали империалистический характер войны, ведущейся после свержения царизма империалистической буржуазией, и требовали беспощадного разоблачения политики Временного правительства и перехода власти в руки советов. Тезисы требовали разоблачения политики мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, политики мелкобуржуазной измены социализму, немедленной и полной конфискации всех помещичьих земель. В качестве «неотложности ряда практически назревших шагов к социализму» тезисы требовали: 1) национализации земли, 2) установления государственного контроля за всеми банками и

[1] «Правда» № 9 за 1917 г.

крупнейшими синдикатами, слияния всех банков в единый народный банк и 3) перехода к «осуществлению всеобщей трудовой повинности». Тезисы обусловливали, что все эти мероприятия в общегосударственном масштабе могут быть проведены лишь «при условии перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям». Тезисы ставили также вопрос об изменении названия партии и о пересмотре ее программы путем введения новых пунктов об империализме и об организации советского государства.

Всероссийская апрельская конференция большевиков и предшествовавшая ей Ленинградская, принявшие тезисы Ленина, наметили программу действий большевистской партии по всем стержневым вопросам революции. Эти тезисы дали партии силу ориентировки в новых условиях борьбы с империалистической буржуазией, наметив единую партийную позицию в решительном осуществлении курса партии на социалистическую революцию.

«Общегородская конференция ленинградской организации (вторая половина апреля), — говорит т. Сталин, — принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело Ленинградской конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии»[1].

Партия, сплотившись вокруг единой партийной позиции, повела решительную борьбу с правооппортунистическими установками Каменева, Рыкова, Ногина, которые во всех вопросах Февральской революции, ее движущих сил и перспектив стояли на меньшевистских оппортунистических позициях. Отрицая наличие изменения классовых отношений в деревне, выразившихся в том, что в деревне произошел после Февральской революции раскол между беднейшим крестьянством и его зажиточной частью и что в этой новой обстановке, вызванной изменениями классовых отношений, «не позволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством»[2], Каменев и его группа тащили партию назад, отстаивали сохранение союза со всем крестьянством. Они доказывали невозможность социалистической революции в России, выступая против курса партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Правые ограничивали революцию буржуазно-демократическими рамками.

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 108.
[2] Ленин, т. XX, стр. 245. (Разрядка моя.)

Выступая на Апрельской конференции, Каменев заявлял: «Неправ т. Ленин, когда он говорит, что буржуазно-демократическая революция закончилась. Я думаю, что она не закончилась. В этом наше расхождение». Это утверждение смыкало Каменева, Рыкова, Ногина с меньшевизмом, определяло их фактический переход на сторону «мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы» (Ленин). Выступая против Ленина и партии, Каменев и Рыков предлагали отказаться от призыва масс к социалистической революции.

«Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, — заявлял Рыков, — и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социалистической революции должен быть дан с Запада»[1]. Выступая на Московской конференции в апреле 1917 г., Рыков говорил, что «пролетариат как класс неспособен был одними своими только силами совершить революцию... В момент переворота крестьянство оказалось политическим нулем, и к этому нулю прибавилось очень мало. Потому и теперь у нас нет еще политической базы для захвата власти во всероссийском масштабе»[2]. Правые заявляли, что «только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным, без всяких колебаний, немедленно взять власть в свои руки».

Это неверие Каменева, Рыкова, Ногина во внутренние силы революции сближало их тогда с Троцким, а в 1926 г. свело, в частности Каменева и Троцкого, в один оппозиционный антипартийный блок. Известно, что Ленин и партия в целом дали сокрушительный отпор Каменеву. Известно, что Каменев с первых дней Февральской революции, вплоть до его штрейкбрейхерства, вместе с Зиновьевым в Октябре, был изолированным и одиноким в партии.

Партии пришлось вести упорнейшую борьбу с оппортунистической теорией «перманентки» Троцкого, которую продолжал он развивать, говоря об «изолированности пролетариата» и с троцкистскими настроениями «леваков» группы Богдатьева, предлагавшим свергнуть Временное правительство немедленно же после его образования. Накануне Октября Троцкий в вопросе о восстании настаи-

---

[1] «Петроградская общегородская и Всероссийская конференции большевиков», стр. 71, изд. 1925 г.

[2] Протоколы I Московской областной конференции большевиков, 1917 г.

вал на отсрочке восстания до предстоящего съезда советов, и именно по этому поводу писал Ленин накануне Октября, что «медлить — преступление, ждать съезда советов — ребяческая игра в формальность, предательство революции».

Эти два уклона — и правый и «левый», имевшие место в партии в 1917 г. и помогавшие друг другу в борьбе с линией партии, и представляли собой мелкобуржуазные шатания, «всегда имеющие место рядом с пролетариатом, всегда проникающие в той или иной мере в среду пролетариата» (Ленин).

Большевистская непримиримая борьба на два фронта внутри партии по основным вопросам стратегии и тактики партии, характера движущих сил и перспектив революции придавала ей монолитность и боеспособность в осуществлении ленинского стратегического и тактического плана. Известно, что Ленин и партия, начиная с революции 1905—1907 гг., вели непримиримую борьбу с троцкистской теорией «перманентной революции». Известно, что Троцкий в 1915 г. выступил с подновленной теорией «перманентной революции», утверждая, что крестьянство «продолжает нести на себе все черты хозяйственной и идейной разобщенности и политической неразвитости, культурной отсталости и беспомощности, которая всегда и при всяком движении парализует его социальную энергию и заставляет его останавливаться там, где начинается подлинно революционное действие». В этой статье Троцкий анализ классовых сил предстоящей революции подменял цветистой фразеологией и пытался отгородить крестьянство от революции.

«Вопрос идет, — писал Троцкий в том же году, — ...не просто о временном революционном правительстве (пустая фраза, которую историческому процессу представляется заполнить неизвестно каким содержанием), а о революционном рабочем правительстве, о завоевании власти российским пролетариатом». И именно об этом Ленин говорил, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьянские массы на революцию».

По Троцкому выходило, что царя должно сменить рабочее правительство и что «только эпоха непосредственного натиска западноевропейского пролетариата на государственную власть, только международная социалистическая революция может создать ту обстановку и выдвинуть те силы, при помощи которых революционная борьба пролетариата

России может быть доведена до конца». В мае 1917 г. Троцкий писал, что начало русской революции «сможет успешно развиваться и притти к победе только как общеевропейское. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обреченным на гибель» [1]. По Троцкому, пролетариат России «уже в первых своих выступлениях будет иметь против себя могущественнейшие силы буржуазной нации» [2]. Троцкий вел упорную борьбу против ленинской теории победы социализма в одной стране, он проповедывал неизбежность столкновения пролетариата и крестьянства, если не наступит «эпоха непосредственного натиска западноевропейского пролетариата». В «Письмах издалека» Ленин писал: «В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности» и т. д. Шаги эти с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многих отношениях послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер» [3].

«Что такое победа социализма в одной стране? — говорит т. Сталин. — Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах» (Сталин).

Завершение фундамента социалистической экономики в СССР и задача построения во второй пятилетке бесклассового социалистического общества, поставленная большевистской партией, блестяще показывают контрреволюционную сущность «прогнозов» и «предсказаний» троцкизма, превратившегося в передовой отряд контрреволюционной буржуазии — о «неизбежности» столкновения между пролетариатом и кресть-

---

[1] Троцкий, Война и революция, т. I, стр. 258.
[2] Троцкий, Программа мира, стр. 24.
[3] Троцкий, Война и революция, т. I. стр. 253.

янством, о «невозможности» построения социализма в одной стране.

Троцкий как в дни Февральской революции, так и поныне пытается доказать, что революция подтвердила якобы его схему «перманентной революции». «Если бы победоносная революция развернулась, — писал Троцкий в «Уроках Октября», — по тому пути, началом которого были июльские события 1917 г., низвержение царизма означало бы по всей вероятности непосредственный переход к власти революционных советов, которые через посредство (на первых порах) левых народников вовлекли бы в свою орбиту крестьянские массы»[1].

В этой клеветнической на Ленина и на большевиков книге, как и в ряде других своих работ, Троцкий, искажая и фальсифицируя руководящую роль Ленина и партии в подготовке Октября, возводит поклеп на Ленина и на партию о «разоружении большевизма», о том, что якобы «большевики разбольшевичились». Троцким была придумана для поклепа на Ленина клеветническая теория «разведок». «Апрельская манифестация, — писал Троцкий в своих «Уроках Октября», — взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством... Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства, но снял его на недели или месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей»[2]. То, что было всегда свойственно Троцкому, то, что случилось с самим Троцким, — все это приписывается Ленину и партии. Как раз Ленин подчеркивал: «Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм — в желание «перешагнуть» через незавершенную и не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочих», — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это... Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой игры в захват власти рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры». На Апрельской конференции Ленин снова возвращается к этому вопросу, подчеркивая: «Троцкизм — без царя, а пра-

---

[1] Троцкий, 1917 год, стр. 119.
[2] Троцкий, Уроки Октября, стр. 13.

вительство рабочих — это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя».

«Основная ошибка Троцкого, — неоднократно подчеркивал Ленин, — отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции (т. е. буржуазно-демократической. — *Е. Ф.*) к революции социалистической». Однако известно, что Троцкий свою клеветническую теорию о Ленине и партии, о перевооружении большевизма продолжает и поныне в своих «исторических» работах вроде «Моя жизнь», «История русской революции», «Перманентная революция», в которых он, фальсифицируя ленинизм, подменяя его троцкизмом, ставшим теперь «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии» (Сталин), продолжает в угоду своим соратникам по предательству рабочего класса — социал-фашистам — возводить клеветнические поклепы на Ленина, партию и Советский союз.

Троцкий и поныне, опорочивая историю большевизма, роль большевистской партии и Ленина, изображая в ложном свете тактику большевиков в подготовке Октября, затушевывая руководящую роль Ленина, особенно выпукло выпячивает себя, Троцкого. Истинные цели Троцкого по фальсификации истории большевизма разоблачены были т. Сталиным еще в 1924 г. «Троцкому «дозарезу» нужно, — говорил т. Сталин, — развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание, для того, чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм»[1].

«Он (троцкизм. — *Е. Ф.*) «просто» устанавливает, — говорил далее т. Сталин, — что Октябрьская революция целиком подтвердила идею перманентной революции. Из этого он делает следующий вывод: важно и приемлемо в ленинизме то, что имело место после войны, в период Октябрьской революции и, наоборот, неправильно и неприемлемо в ленинизме то, что имело место до войны, до Октябрьской революции. Отсюда теория троцкистов о рассечении ленинизма на две части: на ленинизм довоенный, ленинизм «старый», «негодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма»[2].

Тов. Сталин в письме в журнал «Пролетарская революция» на примере троцкистских контрабандистов Слуцкого и Волосевича разоблачил попытку контрреволюционного

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 118.
[2] Сталин, Об оппозиции, стр. 121.

троцкизма, разбитого наголову партией в открытой политической борьбе, атаковать «через ворота истории нашей партии» генеральную линию партии. «Здесь у нас, — говорит т. Каганович, — в Советской стране, испоганенное, загрязненное, разорванное в клочья рабочим классом нашей страны, опозоренное знамя Троцкого не может никого на свою сторону привлечь и завоевать. Надо подойти к массам с другой стороны, потихонечку, «легальными» методами, иными путями. Надо подойти с фронта истории партии, истории рабочего движения, используя флаг люксембургианства и любую другую маску». Троцкистские контрабандисты и фальсификаторы стремятся «в новых условиях поставить по-новому старые троцкистские вопросы о большевизме, о перерастании, о перевооружении» (Каганович).

Но Слуцкий и Волосевич оказались не одиночками. Меньшевистско-троцкистская концепция Февральской революции особенно широко развернута А. Шляпниковым в его четырехтомнике «Семнадцатый год». Шляпников изображает Февральскую революцию как сплошной «стихийный процесс», сама революция им ограничивается «рамками буржуазного порядка», пролетариат, по Шляпникову, в Февральской революции не является основной, главной и ведущей силой, ее гегемоном. Руководящая роль партии большевиков в подготовке рабочего класса и крестьянства к революции и в самой революции заменена Шляпниковым клеветническим изображением партии, чудовищным обвинением партии большевиков в «центризме».

Меньшевистской клеветой на партию Шляпников в своих мемуарах «Семнадцатый год» пытался замазать свои собственные оборонческие шатания в февральско-мартовские дни, игнорируя важнейшие документы партии, характеризующие руководящую роль партии в подготовке Февраля и в период от Февраля к Октябрю, подвергая меньшевистской ревизии ряд программных положений большевизма, в том числе ленинскую идею перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и идею гегемонии пролетариата. Не случайно, что Шляпников, фальсифицирующий историю большевизма, является наиболее авторитетным источником и «историком» для Троцкого, на которого последний ссылается в своих контрреволюционных «трудах», в которых он ведет свои атаки на партию и ленинизм, преподнося «контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма» (Сталин).

Примером сползания на рельсы троцкистской трактовки коренных вопросов русской революции и истории больше-

визма является и четырехтомник «История ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского. В четырехтомнике история ВКП(б) преподнесена в троцкистском освещении, в нем дана клеветническая оценка жизни партии и ее руководящей роли в период подготовки Октябрьской революции. В этом учебнике троцкистская «школка» — Эльвов, Кин и др. — на расширенной основе протаскивала контрабанду контрреволюционного троцкизма.

Письмо т. Сталина, на примере троцкистских контрабандистов Слуцкого и Волосевича, разоблачило новые маневры классового врага и его агентуры в борьбе против советской власти и диктатуры пролетариата. Письмо вскрыло, что «оппортунизм пытается пролезать сейчас в наши ряды, прикидываясь, примазываясь, прикрашиваясь, ползая на брюхе, пытается пропихнуться в щели и в особенности пытается влезть через ворота истории нашей партии» (Каганович). Письмо т. Сталина мобилизовало большевистскую бдительность партии против новых маневров классового врага и его агентуры. Разоблачить троцкистских и иных фальсификаторов, сорвать с них маски, беспощадно бороться с проявлениями гнилого либерализма, поставить дело изучения истории партии на большевистские рельсы, превратив его в могучее орудие идейного воспитания и большевистской закалки партийных масс, — таковы задачи, вытекающие для партии из письма т. Сталина, и эти задачи будут партией выполнены.

Февраль — пролог Октября. Такую оценку давал Ленин Февральской революции. Октябрьская социалистическая революция разрешила «мимоходом», как «побочный продукт», задачи буржуазно-демократической революции, стоявшие перед рабочим классом в Феврале. «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране. И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем Великая французская революция свыше 125 лет тому назад...

Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей

главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы»[1].

«Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. Сначала вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья и постольку революция остается буржуазной (буржуазно-демократической). Затем, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической. Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом»[2].

Пятнадцатилетие, отделяющее Советский союз от Февральской революции 1917 г., является блестящим доказательством гениальности ленинского плана подготовки октябрьского штурма — Великой октябрьской социалистической революции, неоспоримым доказательством победы марксизма-ленинизма. Рабочий класс и колхозное крестьянство СССР под развернутыми знаменами ленинизма, под руководством ленинского ЦК, во главе с ближайшим соратником Ленина, вождем партии и рабочего класса т. Сталиным, завершают четвертый и последний год пятилетки, разгромив классового врага и обеспечив победу социализма в СССР. Советский союз крепнет как база международного социализма. Успехи первой пятилетки позволили большевистской партии наметить новые, еще более грандиозные задачи, поставить задачу построения социалистического бесклассового общества к концу второй пятилетки. Это предстоящее пятилетие явится величайшей эпохой в истории человечества.

---

[1] Ленин, т. XXVII, стр. [illegible]
[2] Ленин т. XXIII, стр. [illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)

ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ К 15-Й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Е. СТЕПАНОВ. Что дала Октябрьская революция крестьянству.

Крестьянство при царизме, его политическое бесправие и экономическое угнетение. Положение крестьян после Октябрьской революции. Декрет о национализации земли и его значение. Пути социалистической реконструкции сельского хозяйства. Значение индустриализации страны. Борьба партии на два фронта. У нас и у них. Перспективы второй пятилетки и наши задачи. Международное значение Октябрьской революции и наших успехов

М. ЛАПИД. С. СССР индустриальный.

Промышленность царской России. Период империалистических и гражданских войн. Восстановительный период. Реконструктивный период — первая пятилетка. Лозунг „догнать и перегнать". Гиганты социалистической промышленности. Борьба партии с оппортунизмом на два фронта: с правыми как главной опасностью современного периода.

А. НУХРАТ. Октябрь и женщина Востока.

Положение женщины Востока до Октябрьской революции. Участие женщин Востока в социалистическом строительстве.

А. ЧАРОВ. Победный путь Октября.

Путь от революции 1905 г. к Октябрьской революции. Октябрьская революция и ее значение. На развалинах старого строим социалистическое общество. Достижения в области тяжелой и легкой промышленности за пятнадцать лет. Успехи социализма в деревне. Великие перемены в жизни рабочих и трудящихся масс. Коммунистический труд побеждает.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в магазины и отделения Партиздата и Книготоргового объединения Огиза.

50 коп. 3 9091

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) **ПАРТИЗДАТ**

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛЕНИНА

В. И. ЛЕНИН О статистике стачек в России, стр. 28, ц. 18 к.

В. И. ЛЕНИН Крах II Интернационала, стр. 50, ц. 30 к.

В. И. ЛЕНИН О двух линиях революции, стр. 8, ц. 8 к.

В. И. ЛЕНИН О брошюре Юниуса, стр. 16, ц. 10 к.

В. И. ЛЕНИН Государство и революция. Лекция о государстве, стр. 95, ц. 55 к.

В. И. ЛЕНИН О государстве, стр. 20, ц. 12 к.

В. И. ЛЕНИН Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, стр. 24, ц. 15 к.

В. И. ЛЕНИН Об обмане народа лозунгом свободы и равенства, стр. 38, ц. 25 к.

В. И. ЛЕНИН Пролетарская революция и ренегат Каутский, стр. 92, ц. 50 к.

В. И. ЛЕНИН К четырехлетней годовщине Октябрьской революции, стр. 8, ц. 8 к.

В. И. ЛЕНИН Новые времена, старые ошибки в новом виде, стр. 16, ц. 8 к.

В. И. ЛЕНИН Марксизм о государстве, стр. 103, ц. 60 к., перепл. 35 к.

В. И. ЛЕНИН Империализм как высшая стадия капитализма, стр. 112, ц. 60 к.

В. И. ЛЕНИН О праве наций на самоопределение, стр. 56, ц. 25 к.

В. И. ЛЕНИН Социалистическая революция и право наций на самоопределение, стр. 48, ц. 30 к.

В. И. ЛЕНИН Итоги дискуссии о самоопределении, стр. 40, ц. 25 к.

В. И. ЛЕНИН О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме, стр. 48, ц. 30 к.

Заказы направлять в магазины и отделения Партиздата и Книготоргового объединения Огиза

154